

Сергей Тимошенко

Зовущие тропы

Сборник стихотворений

Сергей Тимошенко

Зовущие тропы

Сборник стихотворений

2010

Содержание

Царевна горного края	7
На раскопках	8
Сказ о Златоустовской гравюре	9
Девственный лес	19
Дивный силуэт	22
Уральская чародейка	23
Каслинские узоры	24
На кладбище в Каслях	27
Кесене	28
Тайны Аркаима	
Огненный восход	47
Прощание	50
Ночь на горе Шаманке	53
Чудо летней ночи	55
Заповедник Аркаим	56
Главы из поэмы «ЧЕЛЯБА»	
Лагерь первопроходцев-строителей	58
Дороги	61
Челяба — центр Исетской провинции	62
Опорный край державы	67
Христорождественский собор	70
Город Верхотурье	74
Новая крепость	81
Зимняя ярмарка	83
Погост	86
Далматов монастырь	89
Масленица	93
Служилые люди	97
Старообрядцы	101
Восстание в Челябине 5 января 1774 года	116

Сражение у деревни Першино	
1 февраля 1774 года	119
Переход Челябины в руки повстанцев	
8 февраля 1774 года	120
Битва под Уксянской слободой 9 марта 1774 года	122
Емельян Иванович Пугачёв	123
Повстанцы на юге Исетской провинции	
(крепость Магнитная)	126
Приход Пугачёва в Златоуст 31 мая 1774 года	144
Тургояк	148
Уральский дивный край	154
Приближение лета	156
Эпилог	157

Из цикла стихов «Раздумье»

Челябинские аллеи	164
Северные амуры	165
Уральские музы	166
Раздумье	167
В музее ЧТЗ	168
Я пойду с утра на Монахи	168

Царевна горного края

МСТ

Туфли яхонтом горят,
Платье будто в инее,
На Урале, говорят,
Есть царевна Синяя.

Вся корона в самоцветах,
Стелет синь сапфир на ней,
Аметисты на браслетах,
Виден блеск иных камней.

В её косах — изумруды,
На груди — жемчужины,
И сиять в них ночью будет
Блеск, луной разбуженный.

По горам и речкам быстрым,
Пока спит ещё заря,
Рассыпает она искры,
Самоцветами дая.

Всю ночь творятся чудеса,
А с рассветом розовым
Она таится по лесам
Сосновым и берёзовым.

И лишь солнце отразится
На цветах в росиночках,
Успевает дева скрыться
На лесной тропиночке.

Я её увидеть жаждал,
Много лет таил мечту,
А она с рассветом каждым
Превращалась в красоту.

Туфли яхонтом горят,
Платье будто в инее,
Ведь царевна, говорят,
Любит камни синие.

1968 г.

На раскопках

И.Я. Кузьминых

Вдоль реки высокий косогор,
Весь травой заросший и холмистый,
А над лесом ткёт рассвет узор,
И звенят березовые листья.

В тьме веков таким же был восход
На стоянке бронзового века,
Трудной жизни нёс круговорот
Радости и беды человеку.

Здесь теперь курганы да холмы,
Черепки керамики и кости,
Прах истлевший обнажаем мы —
Всё в могильнике предельно просто.

Души где? В пристанище каком?
Слышен хохот на раскопках звонкий,
Средь могил целуются тайком
Озорные парень и девчонка.

Кто тут жил? Какие племена?
И какие бушевали страсти?
Как звучали клички, имена
И возможно ль в жизни было счастье?

В полдень трудно скрыться от жары,
А палатки раскалились дико,
Час настал обеденной поры,
Все бегут к реке с задорным криком.

Юные, конечно, мало спят,
Но встают ребята очень рано,
По росе под перестук лопат
Мы идём раскапывать курганы.

Золотая дивная пора,
Вольное студенческое лето,
Хорошо под искрами костра
Распевать до синего рассвета.

Вдоль реки высокий косогор,
Травами заросший и холмистый,
Ткёт над лесом солнышко узор,
И звенят березовые листья.

1963 г.

Сказ о Златоустовской гравюре

Памяти И.Н. Бушуева

Бушуев Иван Николаевич (1800, Златоуст - 1834, там же) — создатель златоустовской гравюры на стали, гравер Златоустовской оружейной фабрики. Родился в семье заводского унтершихтмейстера, известного в то время на Урале художника-самородка Николая Никитовича Бушуева. Учился в горнозаводской школе, с 1815 г. начал работать в заводской чертежне, где под руководством своего отца и А. Е. Тележникова, известных в то время на фабрике рисовальщиков, прошел хорошую выучку для художника. В декабре 1817 г. был принят в обучение к немецким художникам-оружейникам Шафам. За очень короткий срок овладел мастерством выковки оружия и стал специалистом высокого класса по украшению холодного оружия. С 1823 г., после ухода с фабрики Шафов, стал старшим мастером отделения украшенного оружия. Усовершенствовал технику золочения «через

огонь», добился более прочного и надежного соединения золота со сталью. По праву считается создателем златоустовской гравюры на стали.

1

Городок на Южном Урале —
Заповедный и дивный край!
Горы ласково всех встречали,
И звала к себе речка Ай.

По зеркальной глади плотины
Ползли облака не спеша.
Казалось, что кто-то холстины
Полощет, в воде вороша.

У гор Уренги, Косотура
Глядели дома в высоту.
И в ясные дни, и в хмурые
Видно города красоту.

В нём дождей выпадало много,
Он имел всегда чистый вид.
Почитали жители Бога,
И народ им был не забыт.

Тихий город в утренней сини
Украшал огромный пруд.
И завод казённый в низине
У плотины дымил из труб.

2

После побед над французами
Петербурга горная власть
Велела в союзе с музами
Здесь оружие создавать.

Фабричный размах был заложен.
Всё для дела большого есть,
Но важней оказались всё же
Талант и рабочая честь.

Тогда мастера Золингена,
Знатоки ремесла и книг,
Здесь себе готовили смену
Из местных людей заводских.

Становилась Ай судоходной,
Когда шла вода из пруда.
Могли в мае баржи свободно
Плыть в далёкие города.

Расходился так по России
Запасённый тут арсенал.
И заказы вновь привозили
Из столиц на Южный Урал.

3

Рос мальчишка, пытливый малый,
С Таганая на мир глядел.
Смотрел, как снежинки таяли,
И художником стать хотел.

Мечтал рисовать баталии,
Вид сражений ему был мил.
Но учился он не в Италии,
Его свой же завод учил.

Обладал Иван добрым сердцем,
Божьей искрой, пылкой душой,
Мастерству учился у немцев,
Только путь к нему свой нашёл.

Упорство, верой согретое,
Помогло понять ему сталь.
Скоро творчества все секреты
Оружейников он познал.

Мастер сам создавал эфесы
И ножны клинков украшал.
Детали любой с интересом
Себя целиком посвящал.
Булат на шлифованной глади
Узор свой особый имел.
Он, еле заметный взгляду,
Магической силой владел.

Украшали клинки из стали
Бронза, камень, золото, кость.
Вороненье на них сияло
Переливом холодных звёзд.

Есть в уральской гравюре тайна,
Самобытнейший колорит.
В городах иноземных дальних
Он о мастере говорит.

Наносился рисунок кистью,
А не так, как раньше, иголкой.
Огнём золочённые листья
Создавали рельефный слой.

Нёс клинок рисунок единый,
Был узор ему подчинён,
На узкой поверхности длинной
Он со вкусом был нанесён.

Потому среди милых глазу
Шпаг и сабель разных держав
Узнают Бушуева сразу
Самобытный творческий нрав.

4

Обычно в ту пору былую
Булат хранил воинов жизнь.
Нёс службу клинок боевую,
На нём офицеры клялись.

Влечёт оружие белое.*
С ним в пору идти под «ура».
Во славу России делали
Его лучшие мастера.

Могло быть оно и наградой
За храбрость и в честь славных дат.
Для мундиров и для парадов
Украшали грозный булат.

С той поры город в дымке синей
Стал известен для многих столиц.
На уральских клинках стыл иней,
Отражался всполох зарниц.

* Холодное оружие.

5

Прекрасны на стали картинки
И на глади синей узор.
Золочёная паутинка
Привлекает лёгкостью взор.

Холодный блеск воронения,
Едва лишь заметный рельеф,
Мерцание золочения
Очаруют, пожалуй, всех.

Побеждая стальную робость,
Волшебство изящных фигур

Оживляет рисунка строгость
На упругом теле гравюр.

В них живут уральская осень,
Силуэты диких косуль,
Старый дом, величие сосен
И далекого эха гул.

В них листва своим звоном манит
В даль лесов и на склоны гор,
В поле, где в горизонте тает
Подёрнутый дымкой простор.

Бегущий ручей среди гальки
Теряется в гуще лесной.
Стрижей в небе первая стайка
В дальний путь устремляется свой.

Олень в настороженной позе
Возле чащи лесной стоит.
Льют цветы на рассвете слёзы,
Гладь озер под солнцем блестит.

Есть и сцена охоты честной
На медведя двух смельчаков.
Отражён труд рабочих местных
В момент обработки клинков.

Бородинское сражение...
Пушки, всадники, палаши.
Французов ждёт поражение
В час величия русской души.

Скачет конь легко и задорно.
По синёной глади клинка,
Уходя все дальше упорно
В память Родины на века.

Так мастера вдохновение
Оживило на стали коня.
Он летит, как дуновение
Ветра быстрого среди огня.

Взмахи крыльев коня прекрасны!
Он с тех пор хранит Златоуст
И порой вызывает властно
Прилив ностальгических чувств.

6

В академии живописец
Изучал историю битв,
Описания летописцев,
Рисующих воинов быт.

Холодное всё оружие
Он точно датировать мог
И слыл знатоком заслуженно
Булата различных эпох.

Бушуев три года учился,
Освоив груз нужных наук.
Но к дому родному стремился,
Без дела он был как без рук.

Супруга его ожидала
И маленький Сашенька-сын,
Ирина без мужа скучала,
Мечтала быть рядом с ним.

В разлуке устав находиться,
Он не смог печаль победить.
И скоро покинул столицу,
Чтоб в родном Златоусте жить.

7

Был отец его живописцем,
Все считались в округе с ним.
Младший брат в столице учился,
Стал художником там Ефим.

Промчалось спокойствие мимо
В вихре многих удач и бед.
Ждал Иван на заводе Ефима,
А его в живых больше нет.

С кем делить ему дар небесный,
Кому передать часть забот?
Пятый год лебединой песни
Принёс завершенье работ.

Готовы уж панцирь античный,
Латы, шлем, дивный щит и меч.
Украшением необычным
Мастера смогли всех привлечь.

Доспехи прекрасные эти
Во дворце цесаревич ждал.
Но видели в высшем свете,
Как он быстро рос и мужал.
И в год завершенья работы
Ему шёл шестнадцатый год.
Потому возникла забота —
Вдруг в доспехи он не войдёт?

Три десятка людей упорно
Стремилась создать красоту.
Мастера трудились проворно,
Воплощая свою мечту.

И, наверно, совсем неспроста
Достигли высоких вершин,

Тонко тайны познав мастерства,
Цыпленков, Бояршинов, Ронжин.

Трудный выпал Бушуеву путь.
Лишь на год пережил он Христа.
Отравила Ивана ртуть —
Жертвы требует красота.

Талантов таких было мало
В истории прежних веков.
Он был рисовальщиком по стали
И мастер отделки клинков.

Помышлял ли мастер о славе?
Что от памяти нашей ждал?
Или, все раздумья оставив,
Он просто свой труд завершал?

Гонит ветер времени тучи,
Но славы не меркнут лучи.
Нет клинков Бушуева лучше.
Прекрасны они и прочны.

8

Красил вид у плотины среди гор
Гордость тех православных мест
Свято-Троицкий дивный собор,
О Христе несший людям весть.

Шесть колонн его украшали.
С трёх сторон смотрелись они.
Купола вода отражала
И днём, и при свете луны.

Все пять глав кресты возносили
В небесную синюю даль.

В храм на службу люди спешили,
Там их Троицы образ ждал.

Колокольня стройная рядом
С любой точки была видна,
Привлекая невольно взгляды
Много раз в течение дня.

В те минуты звон разливался
Между гор, долин и домов.
И каждый в душе отзывался
На его божественный зов.

Поминали в церкви Ивана.
Нельзя его было забыть.
Искусством своим постоянно
Продолжал он людям служить.

Но память людская превратна,
Склонна многое забывать.
И никто не ответит внятно,
Где Бушуева след искать.

9

На стали ожившие сказы
Отражают светлую грусть.
С ними кровною нитью связан
И теперешний Златоуст.

И сегодня многие знают
Знаменитый гравюрой край.
В нём горы, как прежде, встречают,
И зовёт к себе речка Ай.

В тех местах Европа с Азией
В объятии вечном сошлись.

Ремесло с искусством связано,
Как земля и синяя высь.

Помоги, Богородица, смилуйся!
За уральцев всех помолись,
Чтоб таланты Божьей милостью
Озаряли и нашу жизнь.

1989 г.

Девственный лес

Памяти И.Н. Бушуева

Днём однажды гуляя
По окрестным местам,
Потревожил я стаю,
Поднят был птичий гам.
Крик ворон был упорным
И шум крыльев пугал,
Видно, птицам тем чёрным
Сам злой дух помогал.

Они долго носились
Вдоль бесчисленных гнёзд,
Вспышки молний явились,
Потемнело, как в дождь.

Страх, принёсший тревогу,
Всё сильнее нарастал,
Но потом понемногу
Незаметно пропал.

Пень высокий и древний
Виден был в стороне,
Он стоял средь деревьев,
Словно рыцарь в броне.

Разрослась костяника,
Украшая луга,
Несла яркие блики
Средь кустов Куштумга.

А на дне её россыпь
Гранатов видна,
Их ласкала без спроса
Ключевая вода.

Я случайно запнулся
И на землю упал,
Но лишь к пню прикоснулся,
Чей-то голос сказал:

«Тяжело жить в кручине,
Здесь, в расщелине пня,
Куштумга без причины
Затопила меня.

Потому я в темнице
Уж четыреста лет,
Пока речка резвится,
Мне спасения нет».

Я лежал поражённый
И на миг оробел,
Голос был приглушённым
И немного хрипел.

Он как будто с опаской
Продолжал говорить,
Было все словно в сказке,
Он мог тайну открыть.

Я спросил: «Где Бушуев?
Говорят, след исчез».
Он ответил: «Я чую:

Мастер спит где-то здесь.
Ныне прах лишь остался,
Жизнь промчалась как сон,
След его затерялся,
Словно в воздухе звон.

В Златоусте он лично
На заводе всех знал
И в работе привычной
О шедеврах мечтал.

От паров ядовитых
Там Бушуев пропал,
Его нет среди забытых,
Ваню помнит Урал.

Очень рано оставил
Он семью и завод,
Но Россию прославил,
Его знает народ.

А сынка его Сашу
Хворь в могилу свела,
Смерти горькая чаша
Подаётся без зла».

Засияло вдруг солнце,
Я очнулся и встал.
А в дупле, как в оконце,
Старый ворон зевал.

Солнца яркие блики
Несла Куштумга,
Было грустно и тихо
И молчали луга.

Чудеса, ну и только.
Много в мире чудес.

Но не стоит без толку
Будить девственный лес.

1997 г.

Дивный силуэт

(девушкам театра русского костюма «Татьяна»)

Славятся уралочки
Русскою красой,
Трудовой закалочкой,
Плотною косой.

Изяществом, и ростом,
И теплом души,
Не наглядеться просто —
Как же хороши!

Это в их движениях
Строгость красоты,
Лёгкое скольжение,
Как полёт мечты.

В каждой из красавиц
Скрыта стать цариц,
Платья их прославились
Искусством мастериц.

Работа впрямь на диво!
Выдумка и цвет
Рисуют горделивый
Дивный силуэт.

Непринужденно могут
Красоту нести
Женщины и боги,
Да ещё цветы.

1993 г.

Уральская чародейка

На Урале много сказов,
Дивных, красочных легенд,
Но решать не нужно сразу,
Есть в них вымысел иль нет.

О Синюшкином колодце
Знал я с давних, малых лет.
То, что вымыслом зовётся,
Может будоражить свет.

«Малахитовой шкатулкой»
Очарован весь наш край.
Что ж, ищи в лесах, аукай,
По горам за ней шагай.

Там, возможно, попадётся
Даже полоз в жаркий день.
В роднике же кто напьётся,
Женскую увидит тень.

Разглядит почти что рядом
Погружённый в тишину
В тонком сказочном наряде
Змея-полоза жену.

Платье жемчугом покрыто,
И кокошничек блестит.
Тьма топазов в него вшита,
Солнце косы золотит.

Из заветнейшей шкатулки
Малахитовой большой
Сыплет камни на прогулке
Она с лёгкою душой.

Самоцветами играет
Долгой ноченькой она.
Но сокровища не тают,
И шкатулка та полна.

Их красавице в отраду
Раздобудет молодец,
Справит пышные наряды
И пойдёт с ней под венец.

И счастливой дева станет,
Сделав в жизни выбор свой,
Если чувство не обманет,
А судьба не станет злой.

На Урале много сказов,
Дивных, красочных легенд,
И не отрицайте сразу,
Что чудес на свете нет.

1998 г.

Каслинские узоры

Памяти А.И. Лазарева
(рассказ старого заводского мастера летом 1964 года)

Средь озёр Иртяш и Касли
Завод в старину возвели.

Там Бог собрал воедино
Чугун и песок, и глину,

Талант формовщиков местных,
Литейщиков всех известных,

Чеканщиков знаменитых
Деталей фигур отлитых.

В заводском посёлке Касли
Две вагранки скоро зажгли.

Отливки в формах песочных
Рельеф повторяли точно.

Кружевная вязь чугуна
Рождалась в стихии огня.

Даль озер и лесистых гор
Отражал каслинский узор.

Он быт россиян украшал
И, конечно, славил Урал.

Занимались литьём и в Кусе,
Но слышали о нём не все.

А известность Каслей росла,
Хорошел и центр ремесла.

Вдохновил мастеров тайный зов —
Цепочки создать для часов.

Необычный металл и цвет
Оценил даже высший свет.

Стали кольца для женщин лить,
Чтобы модницам угодить.

Столики, кресла и бюсты
Являли собой искусство.

Оград литое плетенье
Сливалось с парковой тенью.

Венки, надгробия, плиты
Могли быть здесь же отлиты.

Статуэток дивная статья
Продолжала всех восхищать.

Вид изделий взоры ласкал,
Чёрным блеском играл металл.

Этой краски знали секрет
Мастера уже двести лет.

Столицы известных стран
Покорило литьё россиян.

Они в поставленной цели
На выставках всех преуспели.

Уральцы медали везли
На завод свой родной в Касли.

Увидеть русское чудо
Хотели люди повсюду.

В чугунный большой павильон
Париж был когда-то влюблён.

В те дни скульптура «Россия»
Явилась дамой красивой.

Там, у входа был виден всем
Её строгий старинный шлем.

Облегала кольчуга стан,
И по телу струилась тканьь.

Женщина — символ державы —
Хранила воинства славу.

Скрытая в образе сила
Недругов всех отрезвила.

Дворец-павильон прекрасный
Был создан тогда не напрасно.

Так край наш мечту воплощал,
Превратив в красоту металл.

Те, кто дар в себе Божий несли.
К мастерству дорогу нашли.

А завод в Каслях до сих пор
Создаёт чугунный узор.

1999 г.

На кладбище в Каслях

Среди кустов в тени деревьев
Молчат чугунные кресты,
Они с могил несут, я верю,
Незримо к Господу мосты.

В траве надгробий стынет вечность,
Видна венков чугунных вязь,
Работы дивной безупречность
Хранит чарующую власть.

Когда на Каслинском заводе
Известный мастер умирал,
Все знали: в мир иной уходит
Тот, кто прославить смог Урал.

Его рабочее искусство
Свой оставляло зримый след,
Оно всегда рождало чувства,
Даря живым душевный свет.

Чуть слышен звук листвы звенящей
Над царством холмиков и плит,
На них есть надписи о спящих,
На строчках веточка лежит.

Мир мастерства и вдохновенья
Несут в безмолвии кресты,
Я утверждаю без сомненья,
Что нет молчащей красоты.

Она сама откроет тайны
Своих чарующих начал
И даже в путнике случайном
Посеет светлую печаль.

Среди кустов в тиши деревьев
Стоят старинные кресты,
Они с могил несут, я верю,
Незримо к Господу мосты.

2000 г.

Кесене

Предисловие

Мавзолей Кесене находится на территории Варненского района Челябинской области, недалеко от села Варна. Высота его башни шестнадцать метров. Это крупное архитектурное сооружение XIV века является одним из загадочных исторических памятников нашего края. На протяжении многих веков мавзолеем притягивал к себе взоры людей и привлекал внимание историков.

О таинственной усыпальнице были созданы многочисленные легенды. Одну из них записал известный уральский писатель-краевед В.П. Бирюков. Об истории памятника писали, начиная с XVIII века, академик П.С. Паллас, профессор С.-Петербургского университета Э.Ю. Петри, советские архитекторы В.А. Матвеев и В.Г. Грин, археолог В.С. Стоколос,

доктор филологических наук, профессор А.И. Лазарев и другие авторы. В обобщённом виде с различными точками зрения об истории создания и предназначения памятника знакомит статья председателя Челябинского областного совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, заслуженного работника культуры Российской Федерации Сергея Ивановича Загребина «Мавзолей Кесене» («Родники истории. Об уральском краеведении». — Челябинск. 1996 г.).

Во многих преданиях и легендах историческая память народа связывала мавзолеем с именем великого среднеазиатского завоевателя Тимура (Тамерлана). Фактов, подтверждающих эту версию, пока не обнаружено. Однако не подлежит сомнению определённое влияние политики восточного правителя на судьбу средневековой Руси. Тимур установил свою власть в улусе Джагатая на волне борьбы своего народа с монгольскими завоевателями. Став эмиром могущественного государства со столицей в городе Самарканде, он вёл войны с Золотой Ордой. Его крупные победы над ханом Тохтамышем в 1391 и 1395 годах сковали ей руки и затруднили реализацию мечты о возврате былого господства над русскими княжествами. Конечно, важнейшее значение в освобождении Руси от монголо-татарского ига имела победа Дмитрия Донского в Куликовской битве над войсками Мамая в 1380 году. Она же ускорила распад Золотой Орды.

Предлагаемая вниманию читателей поэма «Кесене», являясь данью моей любви и уважения к устному народному творчеству Южного Урала, отражает некоторые реальные события того далёкого времени.

1

Прошла ночная прохлада.
Самарканд снова солнцем залит.
Все утру в городе рады,
Ведь жара в это время не злит.

Минарет у мечети стоял
И с него муэдзин (1) в ранний час
Новый день уже возвещал,
Призывал совершить намаз (2).

Его голос протяжно пел,
Пробуждая людские сердца,
И в небо незримо летел,
Славя светлое имя творца.

В долине текла Зеравшан³.
Всем дарила она красоту.
Появился шум горожан,
Всюду стража была на посту.

Ввысь тянулись стены дворца,
У огромных роскошных ворот
Несли службу два молодца,
Любовался их видом народ.

Там у входа слева стоял
Воин юный Харун-аль-Хасан,
Грозный вид его восхищал
Иноземцев и всех горожан.

Он копьё держал и смотрел,
Как бунчук⁴ слегка ветер качал,
Круглый щит под солнцем горел,
За спиной были лук и колчан.

Когда подходил караул,
Чтобы стражников в полдень сменить,
Длинных труб раздавался гул,
Повелителю звавший служить.

Страны процветающий вид
При Тимуре⁵ только возник,
Красота дворцов говорит
О том, как повелитель велик.

Но руины стен городских
До сих пор продолжали стоять,

О потерях больших людских
Заставляли они вспоминать.

Ведь забвения горю нет,
И бессмертна людская молва,
Хоть прошло с тех пор много лет,
Память о Чингисхане⁶ жива.

Бесконечен подлунный мир.
Всюду горы, долины зовут.
Широко известен эмир,
Его люди боятся и чтут.

Властелин давно покорил
Часть свободных афганских племён,
Городов много их разорил,
Север весь ему был подчинён.

Захватив далёкий Кавказ,
Тимур в Персию войско водил,
Его ждал успех всякий раз,
Он в походах мечту воплотил.

2

Её красил волос густой
И приятная смуглость лица,
Она славилась красотой
И похожа была на отца.

И гилянский шёлк⁷ облегал
Её стройный прекрасный стан,
На браслете светился лал,⁸
Им Иран заплатил свою дань.

Дни Харуна спокойно шли.
Но однажды у главных ворот,

Когда мимо её несли,
Он почувствовал сердца полёт.

Улыбалась людям она,
Восседая в носилках резных,
Образ дивный с этого дня
В мыслях воина сразу возник.

Дочь эмира стала с тех пор
Для Харуна заветной мечтой,
Он не мог забыть её взор
И прелестной улыбки простой.

Когда он на неё смотрел,
Становилась жизнь сказочным сном,
Воин чувством нежным горел,
Его сердце пылало огнём.

И он жил ожиданьем одним,
Встреча издали юношу жгла,
Так тянулись долгие дни,
Кесене его только влекла.

Надежды имеют предел,
Недоступна ведь людям звезда,
Он девушку видеть хотел,
Жизнь свою с ней связал навсегда.

3

Узнав однажды случайно,
Что его Тохтамыш⁹ предаёт,
Готовить Тимур стал тайно
На Орду уже новый поход.

Припомнить эмир старался,
Почему разошлись их пути

И то, как хан умудрялся
Его в важных делах обойти.

Ордой Золотою правил
Полководец Мамай¹⁰ до него,
Но власть внезапно оставил,
Когда войска лишился всего.

Он после сраженья сбежал,
Когда русским был князем разбит,
А позднее Тимур узнал,
Что Мамай кем-то в Кафе¹¹ убит.

С тех пор Куликово поле
Стало символом спящей Руси,
Бог для борьбы её волю
С Золотою Ордой воскресил.

Эмир Тохтамышу помог
Тогда ханский престол захватить,
Но усилий этих итог
Стал его временами бесить.

Хан был хитрейшим владыкой,
От Тимура власть получив,
Считать себя стал великим,
Ведь в роду его был Тимучин.¹²

Эмир разбил войско хана,
С дня победы пошёл пятый год.
Орда залечила раны
И, как прежде, интриги плетёт.

4

Тимур свой покинул улус,
Чтоб к походу закончить дела.

Везли воины ценный груз,
На Урал всех дорога вела.

Всадники стройной колонной
За эмиром грозным идут,
Караваны спешат по склону
И, качаясь, верблюды плывут.

Семят проворно ослы,
Тянут буйволы с грузом арбу,
Невольники вьюки узлы,
Несут на склонённом горбу.

Эмир ехал с войском своим,
Восседая на чёрном коне,
Средь служанок следом за ним
В колеснице везли Кесене.

Тополя в долине стоят,
Ослепляет взор солнечный диск,
Два орла в вышине парят
И по склонам растёт тамариск ¹³.

5

Когда появилась луна,
Быстро свет её землю залил.
Кесене решила до сна
Выйти в сад, хотя дождь моросил.

Воскликнул Харун: «Чудеса!»
Его голос немного дрожал,
Когда глянул милой в глаза,
Он сказал: «Эту встречу я ждал!

Так случилось с недавних пор:
Тебя вижу ночами во сне

И лишь там могу, словно вор,
Любоваться тобой, Кесене».

Она, взгляд слегка опустив,
Сказала ему не спеша:
«О, Аллах ко мне милостив,
Преисполнена счастьем душа.

И я в мыслях тоже с тобой,
Ты любовью мне путь озарил,
Беда, что ты воин простой,
Счастье то, о чём ты говорил».

Ей с грустью Харун отвечал:
«И меня это очень гнетёт,
Ничто не прогонит печаль,
Твой отец меня просто убьёт.

Есть один для спасения путь,
Трудно мне, но решусь я сказать,
Если мы посмеем рискнуть,
Остаётся нам только бежать.

Ещё день эмир будет здесь,
А с рассветом продолжит поход,
Подготовиться время есть,
Мы в дороге увидим восход.

В полночь встретимся тут, в саду,
Тьма поможет нам быстро уйти,
Я коня тебе приведу,
Будет верным он другом в пути.

О тебе я мог лишь мечтать!
И вот встретились мы, Кесене.
Это чудо мне не понять.
До сих пор я какбудто во сне».

6

На землю звёзды смотрели,
Тихо нежилась ночь под луной,
Лошади словно летели,
Несли всадников в скачке шальной.

Кусты, деревья мелькали,
Степь вдали появилась — беда!
Оба в печали скакали:
Их заметить могли без труда.

Но местность влюблённых скрыла,
Их пролесок густой приютил,
Надежда вновь окрылила,
Лунный свет Кесене осветил.
Харун любовался ею
И промолвил, готовя ночлег:
«Я ни на миг не жалею,
Что затеял наш дерзкий побег.

Отныне мы будем вместе,
Без тебя я не мог больше жить,
Ты удостоила чести
Меня — лучшую в мире любить.

Во мне поселились нежность
И щемящая сладкая боль,
Кажется, целую вечность
Я к тебе, ненаглядная, шёл.

Во всём пространстве огромном
Мы как два небольших стебелька,
В местечке этом укромном
Я б остался с тобой на века!»

Глаза Кесене светились,
В них видна была радость души,

Но вновь тревога явилась,
И сказала она: «Не спеши!

Харун, я твоя навеки,
Та же нежность живёт и во мне,
Чувств разливаются реки,
Горит сердце в волшебном огне!»

К счастью объятия звали,
Миг восторга взорваться готов,
А звёзды в небе мерцали
Над их ложем из трав и цветов.

7

Сонный визирь¹⁴ на рассвете
О побеге влюблённых узнал
И сам Тимуру об этом
До намаза в шатре рассказал.

Эмир побледнел смертельно
И погоню велел снарядить,
Приказ был жесток предельно,
Давал право несчастных убить.

Три дня когда миновало
И, казалось, тревоги прошли,
Вдруг Кесене увидала,
Что их люди отца нашли.

Отряд удалцов в погоне
Двух влюблённых пленить не успел,
Но воинов свежие кони
Наконец приблизили цель.

Всадники стрелы пускали,
Но Харун Кесене защитил,

Она впереди скакала,
Вдруг внезапно он боль ощутил...

Потом в глазах потемнело,
Стал сознание всадник терять,
Тело сразу же онемело,
А в него продолжали стрелять.

Беду почуяв, решила
Кесене оглянуться назад,
Стрела её вмиг пронзила,
Не смогла она больше скакать.

«Харун!» — лишь вскрикнуть успела
Кесене и упала в ковыль.
Там бездыханное тело
Покрывала летящая пыль.

Воины спешились быстро,
И один из них с грустью сказал:
«Принцессу сразил мой выстрел,
И нам нужно закрыть ей глаза.

В коня попасть я старался,
На скаку не послушна стрела,
Задеть Кесене боялся,
Как мне жаль, что она умерла!»

8

Тимур, заметно хромая,
По ковру в шатре белом ходил,
Он был переполнен до края
Тяжким горем, что сам допустил.

Ему уже рассказали,
Как случилась беда с Кесене,

О том, как стрела попала
В его дочь на арабском коне.

Эмир повелел построить
Мавзолей на том месте большой,
И, чтобы дело ускорить,
Он и способ особый нашёл.
Войска два дня расставляли,
Был короткий в степи найден путь,
Воины в ряд один встали,
Чтоб друг другу кирпич протянуть.

Его под солнцем упорно
Подавали на стройку весь день,
Смогли мастера им ровно
Грани выложить башни и стен.

Люди знали с давнишних пор
Тайну прочности стен крепостных,
Известковый густой раствор
Здесь месили в коробках простых.

Тимур собирался позже
Мавзолей весь покрыть изразцом,
Но замысел был отложен
Из-за дел безутешным отцом.

Съедали казну походы.
Эмир в войнах всю жизнь проводил,
Не позволяли доходы,
Чтобы он все мечты воплотил.

9

В степи высокая местность
Сохраняла прах древних племён,
Рядом, украсив окрестность,
Мавзолей быстро был возведён.

В нём зал четырёхугольный
Имел строгий и траурный вид,
Эмир остался довольным,
Так об этом молва говорит.

Здесь всё печаль источало:
Тишина и таинственность стен,
Зал два окна освещали.
В нем проходада царила весь день.

Его потолок овальный
Охранять будет вечный покой,
А в камере погребальной
Тело ждал постамент дорогой.

Плита у ямы глубокой
Полированной гладью горит.
Как принято на Востоке,
Будет ею верх склепа закрыт.

10

Харун лежал бездыханным,
Его бросили в поле для птиц.
Крик воронов утром ранним
Отразился в движенье ресниц.

В приоткрытых глазах был страх.
Воин чувствовал, что онемел,
Слово замерло на устах.
Он очнуться в тот миг не сумел.

И снова закрылись глаза...
На лихом белогривом коне
Он в дымке туманной узнал
Нежный образ своей Кесене.

11

На заре костёр затухал,
Вот и солнце взошло наконец.
Юрта старая пастуха
Стала видной средь стада овец.

В ней на шкурах воин лежал,
Он, проснувшись, вздохнул глубоко,
Пастух чашу в руках держал,
Слегка пенилось в ней молоко.

«Вот кумыс от лучших кобыл, —
Предлагал Рамазан, — он с травой,
Даст настой тебе много сил
И ты путь потом выберешь свой».

Харун улыбнулся слегка
И чуть слышно промолвил в ответ:
«Благодарен тебе на века,
Я твоею заботой согрет.

Прошу, скажи не скрывая,
Где сегодня живёт Кесене?
Я был в преддверии рая
Рядом с ней на своём скакуне.

Я слышал, как мчатся кони,
Стук копыт становился сильней.
Но помню только погоню,
Что случилось с любимой моей?»

Не знал пастух, что и делать,
И, кумган ¹⁵ отодвинув, сказал:
«Правду я должен поведать,
Чтобы зря ты себя не терзал.

Я всё расскажу, что знаю,
Бахадур ¹⁶, ты всё должен стерпеть,
Стрела принесла ей злая
При погоне быстрюю смерть.

Ты первым в тот день был ранен,
Но тебя тогда мёртвым сочли,
А тело мы утром ранним
С моим сыном случайно нашли.

Стали мы могилу копать,
Но Хусейн всё ж успел рассмотреть,
Что ресницы твои дрожат
И как лоб стал едва розоветь.

Глаза чуть-чуть приоткрылись,
Понял я, что ты был в полусне,
Вдруг губы зашевелились
И шепнули с трудом: «Кесене».

С тех пор пять месяцев лунных
Исцелял я тебя травой,
Жизнь сильнее держится в юных,
Потому ты остался живой».

Замер Харун на мгновенье,
По лицу прошла мелкая дрожь,
И промолвил с волнением:
«Твоя весть, как вонзившийся нож.

Как жить с такою потерей?
Тяжко мне Кесене вспоминать.
Нет, в гибель её не верю,
Я всегда буду милую ждать!»

Хозяин с печальным видом,
Выбрав время, ему возразил:

«Ты переполнен обидой,
Ведь большую беду пережил.

Харун, я всё понимаю,
Но подумай, как впредь тебе жить.
Что выбора нет, я знаю.
Нам спасенье твоё нужно скрыть.

Эмир в своём гневе жесток,
Дух войны его так изменил.
Видно, правит им злобный рок,
Он и сына б родного казнил. ¹⁷

Здесь вблизи средь вольных степей,
Где оставила девушку жизнь,
Возвышается мавзолей,
А над ним висит синяя высь.

И, наверно, к первым снегам
Прах погибшей в него привезут,
Навечно доверив векам,
В мрачный склеп в конце дня отнесут».

Имел раненый мало сил.
По лицу вдруг скатилась слеза,
Он ответ свой дать поспешил,
Утирая рукою глаза:
«Я приму груз тяжёлых дней,
Нет предела печали в груди,
Чтобы мог быть я ближе к ней,
Ты меня у себя приюти.

Пастухом я стану, как ты,
Будем вместе стада мы пасти,
Не стал я достойным мечты,
Кесене, о меня ты прости!»

Пахло овчиной и сыром.
Разговор утонул в тишине,
День поднимался над миром.
Только жаль, что в нём нет Кесене.

12

Разнотравье в поле шумит
И пьянит всех людей по весне,
Ветерок ковыль шевелит,
На земле ночь притихла во сне.

Лишь с глубокой тоской Харун
У костра в степи дивно поёт
И под музыку звонких струн
Возле башни любимую ждёт.

Здесь частенько бедный пастух
О мечте своей вечной грустил,
Его голоса нежный звук
О любви всем живым говорил.

Он пел о печали своей
И о том, что в огромной стране
Никого не встретил милей.
Всех прекрасней была Кесене.

Звучали слова в тишине:
«В мире теней нет зла и оков,
Буду ждать тебя, Кесене,
Каждый день до скончанья веков».

Меж двух озёр мелководных
Мавзолей пастухов привлекал,
Окрестность давала отдых,
И овец водопой ожидал.

13

Прогнал Тимур Тохтамышша,
Сокрушил Золотую Орду,
Но часто о хане слышал,
Что ему тот готовит беду.

Подчинились эмиру Багдад,
Города и сёла Двуречья,¹⁸
Он победам своим был рад,
Но войны считал делом вечным.

Часть Индии он захватил
И о полном господстве мечтал,
Но страну лишь Бабур¹⁹ сплотил
И династию в ней основал.

Тимур север Сирии взял
И уж новый готовил поход,
Он в Китай пойти замышлял,
Собирая войска целый год.

Он забыл в суете побед
На свой возраст реально взглянуть.
Стал в походе эмир слабеть,
Смерть закрыла в Китай ему путь.

14

Жизнь на месте не удержать,
Время в прошлое судьбы несёт,
Теперь может лишь вспоминать
В Гур-Эмире²⁰ Тимура народ.

Бунчук над гробницей висит —
Спутник верный в походах его,
Он хозяина дух хранит,
Нет теперь ни друзей, ни врагов.

Нет страстей и тайных интриг,
Нет итогов желанных побед,
Нет всего, чего он достиг,
Государства великого нет.

Нёс славы бессмертной венец
Полководец, великий эмир,
Оставался бесстрашным боец
И мечтал подчинить себе мир.

Тридцать пять лет имел он власть,
С Искандером ²¹ сравняться сумел.
Суждено всему в жизни пропасть,
Лишь любовь одну Бог пожалел.

15

В далёких уральских степях
Одинокая башня видна ²²,
И память о прошлых веках
До сих пор сохраняет она.

В сочных травах ветер шумит
И, как прежде, пьянит по весне...
Представляется стук копыт
И принцесса на белом коне.

Песню в поле пел старый пастух,
Он знал её с юных лет,
А когда костёр вдруг потух,
Стали угли причудливо тлеть.

И плыли слова в тишине:
«В мире теней нет зла и оков,
Буду ждать тебя, Кесене,
Каждый день до скончанья веков».

Навевали слова печаль,
Воскрешая минувшие дни.
Засыпала медленно даль,
Чьи-то тени в ней были видны.

Ночь окутала мавзолеей,
Лунный свет тихо полз по стене.
И неслась в раздолье полей
Песня древняя о Кесене.

Челябинск, 2001 г.

Тайны Аркаима

(цикл стихов)

Аркаим — укрепленное поселение эпохи бронзы. Расположено в южно-уральской степи, в 8,2 км к северо-западу от посёлка Амурского и 2,3 км к юго-востоку от посёлка Александровского, в Брединском районе Челябинской области. Название памятник получил от горы, расположенной южнее Аркаима. Открыт 20 июня 1987 года группой челябинских учёных под руководством Геннадия Здановича. Укрепленные поселения аркаимского типа в настоящий момент обнаружены на значительной площади, охватывающей юг Челябинской области, юго-восток Башкортостана, восток Оренбургской области и север Казахстана. Хронологически они относятся к эпохе средней бронзы, то есть их возраст примерно четыре тысячи лет. Начало исследованиям положили археологи ЧелГУ во главе с Г.Б. Здановичем.

Огненный восход

Г.Б. Здановичу

Когда-то в красочной долине,
Вблизи слияния двух рек
Построил город дивный
Неординарный человек.

Вели все направленья зданий,
А также улиц и дворов
К месту молений и мечтаний
И почитаемых костров.

К центральной площади сходились
Все очень сложные пути,
Там люди у огня толпились,
Связь с божеством стремясь найти.

Круг в самом центре Аркаима
Был местом изучения звёзд,
Там с башни в мир необозримый
Жрецы прокладывали мост.

Был создан город для обрядов
И совершенства ремесла,
В нём стен надёжная ограда
Народа множество спасла.

Когда опасность приближалась,
Все устремлялись в Аркаим,
А воины вдали сражались
С очередным врагом своим.

Воде все с детства поклонялись
И чтили трепетно огонь,
Уменьям разным обучались
Подростки родственных племён.

В быту многосемейных общин
Обычаев царила власть,
Здесь не имели личных вотчин
И жили без привычки красть.

Все люди были равноправны
В стремленье выйти из нужды,

Но их характер своенравный
Смиряли мудрые вожди.

Дарила бронза многим радость,
И часто в формах стыл металл,
Гнал город-храм из жизни праздность,
Но о спокойствии мечтал.

Был Аркаим похож на карту
С ближайших невысоких гор.
Вдоль речки всадники с азартом
Скакали на степной простор.

Здесь каждый житель край свой милый
Любил за огненный восход,
Прекрасное вселяло силы,
И даль влекла к себе народ.

В ней просыпалась низина,
Увалы горные и степь,
На горизонте в дымке синей
Виднелась солнечная цепь.

Так Аркаим встречал обычно
Явившийся с рассветом день,
И многих радовал привычный
Вид площади, жилищ и стен.

Когда-то в красочной долине,
Вблизи слияния двух рек
Построить этот город дивный
Смог гениальный человек.

Прощание

Г.Б. Згановичу

Степь солнце в полдень раскалило,
Вода вся высохла во рву.
Порывы ветра шевелили
Чуть пожелтевшую траву.

Стал Аркаим совсем безлюдным
И гордо ждал свой смертный час,
День оказался очень трудным.
Всё было здесь в последний раз.

С собою семьи уносили
Лишь то, что можно увезти,
Дома, в которых они жили,
Остались в городе пусты.

Все на него теперь смотрели,
Чтобы проститься навсегда.
Лишенья дольше бы терпели,
Но надвигалась беда.

Народ знаком был с миром дальним,
За положеньем звёзд следил
И с обречённостью печальной
Ждал откровения светил.

Жрецов гаданья подтвердились
Явлением больших невзгод,
Леса сгоревшие дымились,
Повсюду бедствовал народ.*

Жара с апреля наступала,
Не стало слышно летних гроз,
В долине засуха стояла.
Зимой усилился мороз.

Покинуть город звёзды звали,
Остаться в нём никто не мог.
Людей иные земли ждали
И пыль неведомых дорог.

Мужчины с обликом печальным
Повозки нагружали в путь,
Готовились к скитаньям дальним,
Ведь прежней жизни не вернуть.

Пять колесниц готовы быстро
Народ в походе защитит,
И каждый лучник, сделав выстрел,
Мог щит врага стрелой пробить.

Люди давно у стен стояли
Сигнальный рог вдруг затрубил,
Развязки все с тревогой ждали,
И час прощанья наступил.

Семь факелов больших по кругу
Не слышно всадники зажгли,
И, дав условный знак друг другу,
К стене их с грустью поднесли.

Вдруг кучи хвороста и сена
Кострами стали в один миг,
А город превратился в сцену
Для бывших жителей своих.
Фигуры скорбные застыли.
Огонь взметнулся по стене,
Их лица пламя осветило,
И плач раздался в тишине.

Пожар зажёт вдоль Аркаима
Семиконечную звезду,
И пламя в ней неудержимо
Тянуться стало в высоту.

Уже всю горели брёвна
На внешней городской стене,
Но частокол полоской ровной
Пока темнел ещё в огне.

А в город полетели стрелы
С огнём для брошенных жилищ,
Кострами крыши их горели,
Дым, извиваясь, рвался ввысь.

Искало пламя жертвы с жаждой.
Пылал пустынный Аркаим,
Теперь он расставался с каждым,
Кому был с детства дорогим.

Народ стоял у стен горящих,
Запоминал всё и молчал,
Но в память жителей скорбящих
Вползала медленно печаль.

В дыму не видно было улиц
И даже городских ворот.
Людей цепочки разомкнулись,
И первый ряд открыл исход,

Чем дальше семьи уходили,
Тем больше таял круг живой,
Гнал ветер вслед им клубы пыли,
И слышен был собачий вой.

Беду почуяв, ржали кони,
Но груз с покорностью везли,
А замыкавшие колонну
Уже к дороге подошли.

Толпа всё время удалялась,
Оставив навсегда Урал,

Жара по-прежнему держалась,
И тихо город догорал.

* Аркаим был основан около 4000 лет назад. А спустя 500 лет он прекратил своё существование. Организованный уход его жителей совпал с крупной экологической катастрофой — взрывом вулкана Санторин в Эгейском море.

Ночь на горе Шаманке

М.С.Т.

Спит город мёртвый под луною,
Две речки медленно текут,
В долине каждую весною
Людей былые дни влекут.

Между двух гор гуляет вечность
И звёзд особый льётся свет,
Здесь в плен людей берёт беспечность
И воплощаемость примет.
Видны с горы Шаманки тени,
Гурьбой идущие в ночи,
Они хотят нащупать стены
И от ворот найти ключи.

Стремятся призраки к могилам
Своих родных во тьме порой
И вспоминают город милый,
Танцуя в полночь под горой.

Чуть позже, при сиянье звездном
Я вдруг с вершины увидал,
Как путь какой-то странник поздний
Над Аркаимом освещал.

Потом наездники явились
И сразу ускакали вдаль,

Лишь факелы во тьме светились,
Но скоро их огонь пропал.

Мне долго в той ночи казалось,
Что все ещё огни плывут
И всадники, в седле качаясь,
С собой уйти меня зовут.
Чудо летней ночи

Дремала в тишине долина.
Там, где был город Аркаим,
Полночный свет полоской длинной
Ковром казался дорогим.

Луна с улыбкою катила
Свой раскалённый жёлтый круг,
И землю ярко осветила,
Затмив серебряных подруг.

Но звёзды холодно смотрели
На щедрость всех её красот
И с безразличием горели,
Собой украсив небосвод.

Я долго слушал поздней ночью
Волшебный звёздный перезвон
И видел, как Луна хохочет,
Землян смущая хрупкий сон.

Здесь гость любой увидит чудо
И с пробуждением скрытых сил
С волнением стремиться будет
Понять язык ночных светил.

В тот миг чудеснейший, наверно,
Когда гул звёзд воспримет слух,
В мир бесконечный, многомерный
Живых сердец прорвётся звук.

Узревший вечность по-иному
Жизнь станет всю воспринимать,
Его к свиданию ночному
Вид звёзд далёких будет звать.

Дремала спящая долина.
Круг, где был в прошлом Аркаим,
При освещенье лунном дивном
Мне стал казаться неземным.

Чудо летней ночи

Дремала в тишине долина.
Там, где был город Аркаим,
Полночный свет полоской длинной
Ковром казался дорогим.

Луна с улыбкою катила
Свой раскалённый жёлтый круг,
И землю ярко осветила,
Затмив серебряных подруг.

Но звёзды холодно смотрели
На щедрость всех её красот
И с безразличием горели,
Собой украсив небосвод.

Я долго слушал поздней ночью
Волшебный звёздный перезвон
И видел, как Луна хохочет,
Землян смущая хрупкий сон.

Здесь гость любой увидит чудо
И с пробуждением скрытых сил

С волнением стремиться будет
Понять язык ночных светил.

В тот миг чудеснейший, наверно,
Когда гул звёзд воспримет слух,
В мир бесконечный, многомерный
Живых сердец прорвётся звук.

Узревший вечность по-иному
Жизнь станет всю воспринимать,
Его к свиданию ночному
Вид звёзд далёких будет звать.

Дремала спящая долина.
Круг, где был в прошлом Аркаим,
При освещенье лунном дивном
Мне стал казаться неземным.

Заповедник Аркаим

Г.Б. Згановичу

Заповедник теперь в мире знают,
Он таит доброй силы свет,
В нём душа волшебство ощущает
И сигналы дальних планет.

Человек — это тоже планета,
Только с массою небольшой,
Зато он, Божьей искрой согретый,
Обладает живою душой.

Плывут медленно белые тучи,
Под землёю город лежит.
Он был людям защитником лучшим
И имел необычный вид.

Его помнят долина и горы,
И глазастые небеса.
Хранят тайны степные просторы
И таинственные леса.

Щедро греет солнце лучистое,
Аркаим спит спокойным сном.
И лишь речки с водою чистою
Что-то шепчут ночью и днём.

Здесь незримо присутствует вечность,
В которой все звёзды зажглись.
Нелегко совместить бесконечность
И нашу короткую жизнь.

Заповедник теперь в мире знают,
Он таит доброй силы свет.
В нём душа волшебство ощущает
И воздействие всех планет.

2001 - 2005 гг.

Главы из поэмы «ЧЕЛЯБА»

Лагерь первопроходцев-строителей

До холодов немного
Осталось ждать недель,
Все помощь ждут от Бога
В свершение своих дел.

Каждый в конце августа
Молился и просил:
«О, Господи, пожалуйста,
Дай нам побольше сил.

С врагом возможны схватки.
Спасут лишь лагерь наш
Заслоны из рогаток
И из завалов чащ».

Холодный ветер с севера
Листою шелестел,
Но в лагере все верили
В поставленную цель.

Времянки размещали,
Сплетали шалашаи,
Завалы расчищали
В густой лесной глуши.

Учли, чтоб место выбрать,
Военный интерес,
Ров решили вырыть
И выкорчевать лес.

Здесь под костры местечки
Удобные наши,

Из камня клали печки
И угли рядом жгли.

Появилась кузница.
И мастера нашлись.
Вдоль Миасса улицу
Разметить собрались.

Ловили в речке рыбу
И промышляли дичь,
Первопроходцам прибыль
Поможет цель достичь.

Перевозили семьи
Из дальних деревень
И получали землю
У строящихся стен.

Тут собирали срубы
И строили дома.
Коль задымятся трубы,
Не утрашит зима.

Арсеньев ¹ и Павлуцкий
Впрок брёвен навезли
И крепость в стиле русском
У речки возвели.

Они очень старались
И верили в успех,
За каждый день сражались
И ободряли всех.
Глаза у них светились —
Приятен стройки звук.
Здесь вышки возводились
Дозорные вокруг.

В остроге новом всюду
Стучали топоры,
Лес доставляли люди
На первые дворы.

Из брёвен мощных вволю
Сочилась смола.
«Не мастера мы, что ли?» —
Тянула песнь пила.

И мужики спешили.
Отлично дело шло.
Работая, шутили
Всем трудностям назло.

Казармы строить нужно.
Объём работ большой,
За дело брались дружно
И главное — с душой.

Под порох погреб рыли,
Большой рубили склад
И башни укрепили,
Расставив в них солдат.

Пахло свежим деревом.
Шла стройка допоздна.
Улица здесь первая
Сибирской названа ².

Бойко дело спорилось,
Рождая всплеск идей,
Быстро крепость строилась
На радость всех людей.

С утра первопроходцев
Пришедший холод злил.

Они встречали солнце,
И не жалели сил.

А к декабрю в Челябине
Вовсю кипела жизнь.
В ней появились бабы
И свадьбы начались.

1 Арсеньев И. С. — полковник Сибирского драгунского полка. Участвовал в отражении набегов отрядов потомков хана Кучума на реке Тобол. Руководил подавлением башкирского восстания в 1735–1740 годах. Лично участвовал в создании крепостей Исетской линии. Им были основаны Чебаркульская (1736), Еткульская (июль 1737), Верхнеяицкая (июль 1738) и Углы-Карагайская (август 1738) крепости. Ряд историков, в частности С. А. Сидоренко, считают его одним из руководителей строительства Челябинской крепости. Но, по данным И. В. Дегтярева, полковник находился с 18 мая по конец осени 1736 года на реке Тоболе. В 1740 году И. С. Арсеньев вышел в отставку, и о дальнейшей его судьбе ничего не известно.

2 Сибирская улица — одна из первых улиц Челябины. Проходила от моста до теперешней площади Павших Революционеров. Улица связывала западные и восточные стены крепости и завершалась Сибирскими воротами. Сейчас на её месте лежит центральная часть улицы Труда. Жилые дома выходили не на улицу, а находились в глубине дворов.

Дороги

Дорога с далью дружит
И манит многих в путь,
Но в бесконечных лужах
Возможно утонуть.

Царило бездорожье
Среди густых лесов,
Лихих людей безбожье
Пугало ночью сов.

Край, одарённый Богом,
Челяба — связь дорог,

Путей к Уралу много
Давно имел Восток.

Верблюды экзотичные,
Степные корабли,
В краях этих привычные,
Качаясь, шли в пыли.

Караваны Азии
Ждал Троицкий острог ³,
Расширить с миром связи
России он помог.

В нём ярмарку известную —
Большой меновый двор —
Знали все окрестные
Купцы с недавних пор.

А по дороге Скифской
Телеги шли в Сибирь,
Влекла в тот край неблизкий
Полей безбрежных ширь.

Дорог версты измерены
В Казань и Оренбург,
А ближе всех на севере
Был Екатеринбург.

3 Троицкая крепость была основана наместником Оренбургского края И.И. Неплюевым. 17 июня 1743 года, в день Святой Троицы, он со своей командой разбил лагерь недалеко от слияния рек Уй и Увелька. Построенная на этом месте крепость была названа Троицкой, а в 1784 году она получила статус города.

Челяба — центр Исетской провинции

Река катила тихо
От ветерка волну,

Ловили рыбу лихо
Мальчишки на валу.

За ним стояла крепость
Синели купола,
В лесную эту местность
Миасс-река текла.

Кресты на церкви ярко
Горели средь дворов,
Здесь летом было жарко
И много комаров.

Святого Николая
Стоял из брёвен храм, ⁴
Поодаль били сваи
К торговым двум рядам.

И маленькая крепость,
Как будто из былин,
Всю красила окрестность
Лесов, полей, долин.

Крепости на линии
Неплюев ⁵ возводил,
Известнейших фамилий
Наследником он слыл.

С боярином Кобылой
Был связан его род,
Андрея кровь по жилам
Неплюева течёт.

Края Оренбургского
Наместником он стал,
Язык соседей тюркских
Иван Иваныч знал.

Он доказал, что надо
В провинции Исеть,
Согласно его взгляду,
В Челябине центр иметь.

По его прошению
Издав указ Сенат.
Центра день рождения —
Одна из важных дат.

Планы графа сбудутся:
Край новый будут знать,
В Челябине станут улицу
Исетской ⁶ называть.

И волею господней
В период ранних верб
В приёмной новой, модной
Увидели все герб ⁷.

В щит сердцевидной формы
Легко помещены
Большой верблюд двугорбый,
Часть крепостной стены.

Наверху склонённые
В нём пики вознеслись,
По сторонам знамёна,
Парит корона ввысь.

Две пушки, ядер кучки
И барабаны есть.
Сабли, трубы с ручками —
Вот герб исетских мест.

Челябу он венчает.
Провинция лишь часть

Страны, но обещает
Её опорой стать.

Уральцам всем на счастье
Достигнут был расцвет,
Елизавета властью
Владела двадцать лет.

В палате воеводы
Висел её портрет.
И именно в те годы
Узнал Челябину свет.

Исетский воевода
Имел богатый дом
С резным большим обводом,
Забором и двором.

В прихожей уж с рассвета
Нёс службу караул,
В печи, давно нагретой,
Огня был слышен гул.

Тот деревянный терем
Был в городе любим.
Прибит вверху на двери
Из меди херувим.

Оренбургской улицы ⁸
Просматривался вид:
Рядом храм красуется
И ряд домов стоит.

Стал город с каждым летом
Расти и хорошеть.
Все чтут Елизавету
В провинции Исеть!

Острог в сто тридцать метров
 У каждой стороны
 Провинции стал центром,
 Столь важным для страны!

4 Деревянная Никольская крепость была построена в конце 1739 года. Она стояла на пересечении современных улиц Труда и Цвиллинга в северо-восточной части площади Ярославского. После завершения строительства Христорождественского собора по просьбе казаков она была перенесена в заречье. В 1768 году воссозданная церковь была освящена во имя Святой Троицы. Второе каменное здание Троицкой церкви строилось с 1796-го по 1829 год. Теперешнее здание этой церкви (третье) было возведено в 1909—1914 годах XX века.

5 Неплюев Иван Иванович (1693—1773), русский государственный деятель, дипломат. Был последним начальником Оренбургской комиссии (1742—1744). В 1742 году был назначен наместником Оренбургского края. С 1744-го по 1758 год занимал пост губернатора Оренбургской губернии. С 1760 года — сенатор и конференц-министр. Ему принадлежит честь основателя Оренбурга, Троицка и Оренбургского казачьего войска. По рекомендации И. И. Неплюева Сенат утвердил Челябинскую крепость центром Исетской провинции.

6 Исетская улица находилась в то время на пространстве от теперешней улицы Кирова до улицы Российской. Сейчас эта улица носит имя Карла Маркса.

7 Первым гербом Челябины являлся герб Исетской провинции. Его эскиз был составлен В. Н. Татищевым. В донесении императрице Анне Иоанновне от 24 сентября 1737 года по старому стилю был представлен рисунок герба города Оренбурга и Исетской провинции. Этот герб и стал позже, по указанию И. И. Неплюева, гербом Челябинской крепости.

8 Оренбургская улица за городскими воротами открывала дорогу на город Оренбург. В головном конце улицы стоял дом воеводы (в недалёком прошлом на том месте располагался военный госпиталь). Недалеко от Христорождественского собора находились провинциальная канцелярия, войсковая казачья канцелярия (изба), казначейство, ратуша и полиция. С 1788 года улицу стали называть Христорождественской, а с конца XIX века — Большой. С 1920 года она носит имя С. М. Цвиллинга.

Опорный край державы

Городка окрестности
 Видны издалека,
 Тянется по местности
 Спокойная река.

Чистая озёрная
 Водича в ней течёт,
 Золотишко зёрнами
 В песке речном зовёт.

Сокровища Урала
 Из недр земли берут,
 Среди многих минералов
 Есть чистый изумруд.

Заводы горнорудные
 Везли в страну металл.
 Работой многотрудною
 Край этот процветал.

Велик простор российский
 В восточной стороне,
 В нём золотые прииски
 И щит родной стране.

Опорой всей державы
 В те годы стал Урал.
 России множил славу
 И силу укреплял.

Совсем преобразился
 Уральский дивный край.
 Сюда народ стремился,
 Здесь больше было прав.

Из северных уездов,
Из Верхотурья шли:
Сбывались здесь надежды,
И ждал надел земли.

Из деревень поволжских,
О ней прослышав весть,
Сюда шли люди в поиске
Спокойных вольных мест.

Земли плодородные
На триста вёрст в длину
Были не распроданы,
Хранили целину.

Крестьяне, коль селились
И жили по чести,
Имели божью милость
Свободу обрести.

Искали лучшей доли
И те, кто был в бегах,
Стремление их к воле
Отодвигало страх.

Манила всех Челяба:
Работай, не ленись,
Судьба, коль не спасла бы,
Пропала б многих жизнь.
Ремёсла и торговля
Кормили здешний люд,
И маслице коровье
Отлично били тут.

Дары лесов и травы
Здесь брали от души,
Охотились по праву
Отсутствия межи.

Легко с народом сильным,
Но знала власть нутром,
Как нужен был план линий,
Задуманный Петром.

Кочевников в округе
Отслеживал маяк,
В беде с него друг другу
Солдаты слали знак.

Здесь на столбах висели
Бочонки со смолой.
Коль требовало дело,
Звал дым соседей в бой.

Так стража упреждала
Разбойничий набег,
Вмиг пушки заряжала
На бастионах всех.

Из Оренбурга роту
Послали в степь служить,
Драгун⁹ ждала забота
Набеги прекратить.

Тобольский, Енисейский
Полки для крепостей
Везли солдат армейских
Из своих частей.

Чтоб жил народ спокойно,
Здесь через тридцать вёрст
Покой хранил достойно
Острог или форпост¹⁰.

Сёла пограничные
Разъезды стерегли,
Наездников отличных

В них власти привлекли.

Казачество старалось
Надежды оправдать,
Разбой теперь боялись
Соседи совершать.

9 Драгун — военнослужащий некоторых частей кавалерии,
предназначенных действовать как в конном, так и в пешем строю.

10 Форпост — укрепленный пункт, передний пост на пути к
крепости.

Христорожественский собор

В свой час на колокольне
В кольце восьми углов
Звонили чисто, вольно
Шесть колоколов.
В честь Рождества Христова
Здесь сам митрополит
Из кирпича простого
Построить храм велит.

А через четверть века
Там, где стоял забор,
Достроен был с успехом
Огромнейший собор ¹¹.

Антония желание
Всё в точности сбылось —
Челябы с этим зданием
Значенье поднялось.

Был храм монументальным.
Узоров дивных вязь
Нес в золоте сусальном
Резной иконостас.

Икон прекрасных много
Рядами в нём стоят,
Всё прославляло Бога,
И восхищало взгляд.

Зодчие прекрасные
Воздвигли храм святой,
Путь Иисуса ясный
Стал в жизни им звездой.

Стафеев и Полошев,
Денисов неспроста
В монастыре хорошем
Оставили места.
Их воплощались планы
В Челябине много лет,
Но всеми Богу данный
Был выполнен обет.

Приехал к литургии
К ним сам митрополит,
Подарки дорогие
Он в храм внести велит.

Тобольских ювелиров
Изделия привёз,
Кресты с цепями клиру
Да утварь — целый воз.

В нём был престол алтарный,
Подсвечников набор.
Приход был благодарен,
Всё радовало взор.

Колокола звонили
На много вёрст вокруг.
Все в храме новом были,
Молились сотни рук.

Стол освящён алтарный
И дивный антими́с¹²,
Клир, Богу благодарный,
Вёл службу глядя ввысь.

Огня дыханье вечное
И воска аромат
Разносят в церкви свечи
И восхищают взгляд.
Их огоньки как волны
Плывут. Чуть слышен треск.
Здесь пенье льётся вольное,
Врат царских манит блеск.

Невидимо для мира
Проходит в них Христос,
Роня запах миро¹³
И красных свежих роз.

Дым ладана душистый
Молитве стелет путь,
Здесь каждый с верой чистой
Мог в вечность заглянуть.

К Павлу¹⁴ люди тянутся —
Всяк причаститься рад,
Радость всем достанется,
Идёт к концу обряд.

Долго евхаристия¹⁵
Длилась в этот день,
Службы эхо чистое
Витало между стен.

Колокола звонили
На много вёрст вокруг.
Звонари в них били,

Рождая дивный звук.

А путники крестились,
Смотря на храм в тот миг,
И снова в путь пустились,
Как только звон утих.
В трезвоне, перезвоне,
В благовесте¹⁶ есть
Благие бронзы стоны,
Что славят в мире крест.

Никольской церкви скоро
Всех ярусов венцы
Сложили у забора,
Пометили торцы.

А в слободе казачьей
В заречье знали все:
Сруб соберут удачно,
Во всей его красе.

Как перестали строиться
На радость казакам,
Назвали церковь Троицкой
И освятили храм.

Вновь с этой колокольни,
Где столько же углов,
Звонили чисто, вольно
Все шесть колоколов.

11 Христорождественский собор был построен в 1748 — 1766 годы. Он стоял в северо-восточной части нынешнего сквера у театра оперы и балета. Храм строился по разрешению и благословиению митрополита Тобольского и Сибирского Антония (был митрополитом с 26 сентября 1742-го по 9 октября 1748 года).

12 Антимис — шёлковый платок с вложенной в него частицей мощей. На нём изображено положение во гроб Спасителя.

13 Миро — благовонное масло, употребляемое в христианских православных обрядах.

14 Литургию на освящение храма служил митрополит Тобольский и Сибирский Павел (с 23 мая 1758 года по 11 января 1768 года).

15 Евхаристия — по-гречески «благодарение». Означает таинство причащения.

16 Трезвон — и церковный звон во все колокола. Перезвон - звон нескольких колоколов. Благовест - колокольный звон перед началом церковной службы.

Город Верхотурье

Тянулись в мироздание
От куполов кресты.
Город ¹⁷ жил в сиянии
Церковной красоты.

В ней сказочность и святость
В единый мир слились,
Дарили людям радость
И голубую высь.

В храме Святой Троицы,
Что больше всех иных,
Народу много молится
На образы святых.

Столицею Урала
Был этот городок.
Кресты узоры пряли,
Взирая на Восток.

Святого Симеона ¹⁸
В провинции все чтут.
Паломники с поклоном
К его мощам идут.

Юноша в скитаниях
В уральский край попал,
О его страданиях
В Челябине каждый знал.

Отрока дворянского
В дни смуты, зла и бед,
Безвластия боярского
Вдруг затерялся след.

Он по Руси скитался,
Искал приют себе,
В Меркушинском остался,
В кладбищенской избе.

Жил странник на погосте,
В сторонке от людей,
Здесь нет страстей и злости,
Отсюда мир видней.

Поблизости стояли
Пристань и село.
Скитальца звали дали
И к реке влекло.

Он на утёсе дальнем,
Став под большую ель,
Подолгу в мир печально,
Задумавшись, смотрел.
Сам Симеон кормился
Трудами своих рук,
С убогими делился,
Поддерживал старух.

Шубы шил с нашивками
Для местных мужиков.
В них не было плешинок
И красил ровный шов.

Всегда с душою светлой
Он в вере пребывал,
Со всеми был приветлив
И слабым помогал.

Отшельник часто летом
С приветливой Туры
Нёс рыбу на рассвете
На бедные дворы.

Для народов севера
Он был как мудрый друг,
В их спасенье веровал
И укреплял их дух.

Он среди книг духовных
В хибарке день и ночь
Молился на иконы,
Чтобы душе помочь.

Мог услышать пение
Небесных голосов,
Понимал значение
Их дивных нежных слов.
Он обращался всюду
К монахам много раз:
«Блюдите свои судьбы,
Лукавый ищет вас.

Всевидящее око
Пусть вас остережёт
От всякого порока
И в души свет прольёт.

К спасенью путь тернистый
Шлёт душам вашим Бог,
Чтоб каждый с сердцем чистым
К нему прийти бы смог.

Вас молю я, братия,
Имейте в сердце страх,
Ждёт всех своё распятие
И божий суд в веках».

Наблюдая с жалостью,
Как крест старинный гнил,
Думал он о старости
Частенько меж могил.

Он выбрал себе место
Под большой сосной
И там в свой срок известно
Окончил путь земной.

В пору ту блаженному
Шёл тридцать пятый год.
В смирении душевном
Застыл в улыбке рот.
Богу очень нравилась
Всех праведников жизнь,
Симеон преставился —
Явленья начались.

При церкви Михаила
Обрёл он свой покой.
С тех пор святая сила
Всем свет дарила свой.

Всегда чудотворение
От гроба его шло,
Исцелялось зрение,
Хворь силой светлой жгло.

Те, кто разуверились
Под ношей тяжких дней,
Вновь в душе надеялись,
Что станет жизнь светлей.

Митрополит Игнатий ¹⁹
Гроб с лёгкостью извлёк,
Все видят: мощи святы —
Нетленность дал им Бог.

Их в раку из могилы
С трепетом кладут
И в церковь Михаила
Торжественно несут.

После обретения ²⁰
Прошло двенадцать лет.
Монастырь с волнением
С молитвой ждал рассвет.
Перенос был осенью
При молодом Петре.
Шли люди между сосен
В обитель на Туре ²¹.

От церкви на погосте
Лишь пять десятков вёрст,
Перед уходом гости
Землицы брали горсть.

А в городе мечтали
Святой увидеть прах
И исцелений ждали
С молитвой на устах.

Шествие огромное,
В толпе много икон.
Людей дорога ровная
К реке вела под склон.

Манил в бескрайней шири
Всех город золотой.
Один Тобольск в Сибири
Сравним с ним красотой.

Раку ждять у храма
В тиши монастыря
Стал народ упрямо,
Лишь занялась заря.

У церкви деревянной
Он с радостью стоял.
Молились люди рьяно,
И каждый чуда ждал.

Симеона святость
Здесь проявилась вновь,
Всем возвращалась радость
И молодила кровь.

Она вселяла тайно
В души благодать,
Святую силу явно
Стал каждый ощущать.

Был образ Симеона
Похожим на земной,
Он писан по канону
Стоящим под сосной.

Под ведёрком удочка,
Взор, обращённый вдаль,
Сюжет иконы буднично
Монах изображал.

Был праведник отмечен
Нимбом золотым,
Отныне будет вечно
Симеон святым.

Господь лучи бросает
Сквозь синеву небес.

Храм божий окружает
Сплошной дремучий лес.

Святой в кафтане синем
С иконы смотрит в жизнь.
Чин святости он принял,
Постигнув мира смысл.

В тиши любясь далью,
Того он прославлял,
Кто щедрой своей дланью²²
Мир верой наполнял.

Молились все с поклоном
Ему в любой среде,
Ведь каждый знал: икона —
Заступница в беде.

В Челябине все имели
Сей образ голубой.
Под ним лампадки тлели
В углу избы любой.

Святой земли уральской
Людей объединял,
Духовностью по-царски
Их души наполнял.

17 Город Верхотурье известен с 1598 года. Сейчас город Свердловской области.

18 Святой Симеон (1607? -1642), наиболее почитаемый святой на Урале. Рукописное сказание о жизни и чудесах праведника Симеона составлено митрополитом Сибирским Игнатием Корсаковым. День памяти святого отмечается 12 (23) сентября.

19 Игнатий — Тобольский митрополит. При нём в 1692 году мощи Симеона были помещены в церкви архистратига Михаила. Кладбище села Меркушенское находилось в 50-ти верстах от города Верхотурье, входившего в состав Пермской губернии. Обретение

мощей праведного Симеона было осуществлено в 1692 году.

20 Обретение мощей — необходимый этап для причисления подвижников к лику святых. Есть сведения, свидетельствующие о том, что гроб с телом праведника со временем поднялся к поверхности земли.

21 Перенос мощей Праведного Симеона в город Верхотурье в монастырь святого Николая был осуществлён 12 (23) сентября 1704 года при митрополите Филофее. Мощи в новой раке были поставлены в деревянной церкви Покрова Богоматери. Обитель — то же, что и монастырь.

22 Длань — рука, ладонь.

Новая крепость

В Челябине стало тесно,
Нет воли за спиной,
Избы люди местные
Рубили за стеной.

Едва мог разместиться
В казармах гарнизон,
Беда, если случится
Посад не защищен.

Ставят крепость новую
На двух уж берегах.
За стенами сосновыми
Не будет ведом страх.

Брёвна, в землю врытые,
Имели грозный вид.
Дома были прикрыты,
Имея мощный щит.

Щепы смолистой груды
Росли здесь каждый день.

Тесали лес повсюду
Для новых прочных стен.

Кзаки их строили
При помощи мещан²³.
Бывало, что и спорили.
Спор делу не мешал.

Воздвигли стены летом
За сажень²⁴ в высоту,
Зияли в них просветы,
Нарушив красоту.

Несла длина заплота
Пятую версту²⁵,
В башнях над воротами
Соддаты на посту.

Есть батареи с пушками
На всех трёх воротах,
Казак лихой с веснушками
Крепил на башне стяг.

Осталась крепость малая
В Челябине не у дел
В ней собаки лаяли
И лазил кто хотел.

В году пятьдесят пятом
Сруб стали разбирать,
Срыли вал лопатами,
Ров удалось сровнять.

Шёл за новой крепостью
Рогаток целый ряд,
Дальше, уж для верности,
И надолбы стоят.

А площадь у собора
Пустырь стал дополнять.
Убрали брёвна скоро,
Чтоб было где гулять.

Дороги шли на запад,
На Оренбург, в Сибирь.
Всё изменилось за год.
Росла Челяба вширь.

23 Мещане — податное сословие в России, включавшее разные категории городских жителей, ремесленников и мелких торговцев.

24 Сажень — русская мера длины, равная 2,13 м, что соответствует трём аршинам. Высота крепостной стены была более двух метров. Площадь крепости составляла полторы квадратных версты.

25 Верста — русская мера длины, равная 1,06 км.

Зимняя ярмарка

На южной части площади,
Когда шумел базар,
Овёс жевали лошади,
Что привезли товар.

Гостиный двор из балок,
Прибит к ним прочно тёс,
Все три десятка лавок
Большой имели спрос.

В Челябине с интересом
Ярмарки все ждут,
Товары под навесы
Приказчики несут.

Солнца встанет зарево —
Крутись, коли не лень.
Здесь малого и старого

Прилавки ждут весь день.

Казанский и тобольский
Везли товар купцы.
Сукно и обувь — войску,
А детям — леденцы.

Съезжались в Челябину
Купцы с большой мошной,
Торговля только шла бы,
Поступятся ценой.

Народ с утра толпится.
Здесь есть что посмотреть.
На углях жарят птицу,
И могут корж согреть.

Зимою вдосталь рыбы
Озёрной золотой,
Пирог печь можно либо
Сварить ухи густой.

Из Шадринска ²⁶ все ждали
Больших гусей весь год.
Крестьяне получали
За них большой доход.

Из деревень курганских
С Царёвой Слободы ²⁷
Везли сыры гигантские
В торговые ряды.

Клюква ярко-красная,
Что яхонты твои,
Покупка не напрасная,
Растает сок — дави.

Ковры висели разные,

Корица, чай, изюм...
Дары эти из Азии
Видны из пёстрых сум.

А рядом зазывает
В тулупе продавец.
С морозца, он-то знает,
Придёт к нему купец:

«Из самовара чаю
Ты с крендельком попей,
За плату не серчаю,
Монетку не жалеи!»

Все водку мою знают,
С неё здоров ты будь.
Кто в меру попивает,
Мужскую крепит суть».

Людей так зазывали
С азартом продавцы
И взоры обращали
Свои во все концы.

Народ толпился всюду,
Заботы в стороне.
Обновам рады люди.
Есть выгода казне.

Офени ²⁸ свой товар несли
Под возгласы «Продам!»,
Татары и башкиры шли
К торгующим рядам.

В ту пору проводилось
Две ярмарки лишь в год,
Торговцы торопились
Привлечь на них народ.

В течение же года —
Лишь по воскресным дням,
Рад был и в непогоду
Гостиный двор гостям.

26 Шадринск — Шадринский острог основан в 1662 году. С 1737 года — город.

27 Царёва Слобода — название Кургана до 1782 года. Основан город в 1662 году как укрепленная Слобода Царёво Городище.

28 Офени — бродячие торговцы, ведущие по деревням мелкую торговлю с лотка.

Погост

Погибшим и усопшим
Под сенью вечных звёзд
Прибежищем стал общим
Челябинский погост.

В соборе отпевали
Заснувших вечным сном,
А люди вспоминали
О их пути земном.

Скорбь близких жизнь итожит,
Канун (29) горит огнём,
Покойнику поможет
Моление о нём.

Священник в панихиде
К спасению души
Открыть поможет виды,
Ведь люди все грешны.

У гроба в церкви тесно,
Протяжен службы ход,

Хор ангельские песни
На клиросе ³⁰ поёт.

Руки держат грамоту,
Венец прикрыл чело.
Близким служба памятна,
Здесь отпеванье шло.

Чтоб все страданья легче
Душа смогла пройти,
Горели ярко свечи,
Ей нужные в пути.

По кладбищу спокойно
Процессия плывёт
К месту, где покойного
Могила уже ждёт.

Лития ³¹ окончится,
Опустят тело вниз,
Верить близким хочется:
Душа продолжит жизнь.

На гроб крестообразно
Поп бросит горсть земли,
Елея капнет важно,
Стряхнёт чуть-чуть золы ³².

Всех усопших ценим мы
За их любовь и труд,
Многих души с целями
Спасения живут.

Вечно ожидание
Исходит от могил,
Чтоб отзвук жизни давней
Хоть кто-нибудь почтил.

И сбывшись, те надежды
Оставят в госте след,
Всё будет так, как прежде,
В потоке быстрых лет.

Свет жизни каждой вечно
Будет всем светить
И в бедах бесконечных
Поможет близким жить.

В памяти беспмятство
Мы забытьём зовём.
Жаль, что это таинство
Сроднилось с бытиём.

Российские погосты,
Холмики могил...
Все люди в мире гости,
Но каждый жизнь любил.

Отсюда её сила
Так мощно манит нас,
Россия всех просила
Раскрыть себя хоть раз.

Пока горим мы целью,
Пока зовёт мечта,
Отступит смерти келья,
Пора ещё не та.

На кладбище уныло
Спят тени при Луне,
Освещены могилы
В волшебной тишине.

Лишь на исходе века
От крепости вдали

На благо человека
Храм божий возвели.

С тех пор с иною меркой
Смотрелся весь приход.
В кладбищенскую церковь³³
Всегда ходил народ.

29 Канун — столик в церкви, на котором стоит изображение распятия и устроена подставка для свечей. Перед ним совершаются панихиды и другие заупокойные обряды.

30 Клирос — особо отделённые места на возвышении с правой и левой сторон перед иконостасом, где становятся для чтения или пения певцы.

31 Лития — общее усиленное моление. В данном случае речь идёт о литии заупокойной, представляющей собой род краткой панихиды.

32 Елей — жидкое растительное масло, которое употребляется для лампад и помазания во время богослужения. В момент погребения священник стряхивает из кадила на гроб частицу золы ладана.

33 Церковь во имя Казанской Божьей Матери (Казанско-Богородицкая) была полностью построена к 1793 году. Она стояла на кладбище на южной стороне города. Сейчас на том месте находится кинотеатр имени А.С. Пушкина и театр «Манекен». См.: Боже В.С. Купола над городом. Исторические судьбы челябинских церквей. — Челябинск, 1992. С. 19.

Далматов монастырь

На Белом городище
Успенский монастырь³⁴.
Там ветер вольный свищет,
Кругом лесная ширь.

Из дальних сёл исетских
Под вьюги злющей вой
Шли сани в храм Успенский
На ярмарку зимой.

К ней каждый год съезжались,
Обозы шли с добром,
А люди запасались
Чеканным серебром.

Для многих центр духовный
Был в вере поводырь.
Он в сёла вёз иконы,
Часовник и псалтырь,

Священное писание
И много книг других
Разного издания
В обложках дорогих.

Но монастырь не сразу
Стал краю помогать,
В начале он обязан
Был просто устоять.

Задолго до Челябин
Тянулись в эту даль
По грязи и ухабам
Все те, кто волю ждал.

Им нравилась свобода,
Раздолье здешних мест.
Всё больше год от года
Людей селилось здесь.
В том месте, где сливались
Теча и Исеть,
Построить собирались
Монашских келий сеть.

Мокринский ³⁵ здесь обитель
Решился возвести,
Чтоб в ней окрестный житель
Защиту мог найти.

Тобольский он. За службу
Дворянство получил.
Водил лишь с теми дружбу,
Кто верой в Бога жил.

Он строил кельи, веря:
Затрачен труд не зря,
Не утвердится вера,
Коль нет монастыря.

Набеги из Тюмени
И изб сгоревших вид
Подвигли строить стены,
Чтоб был надёжный щит.

Отряды Илигея ³⁶
Монахам не страшны,
Мокринского идеи
Империи нужны.

Дмитрий слыл воителем,
Его мечта сбылась,
Трудами всей обители
Была довольна власть.

В округе его имя
С святыми ставят в ряд,
С тех пор как принял схиму ³⁷,
Стал зваться он Далмат.

Творил поклоны вечно,
Кукуль (38) спадал с чела,
Жёг старец ночью свечи,
Молитва тихо шла.

Одна лишь келья знала
Трудов огромный груз,

Ходил Далмат усталым,
Теряя к жизни вкус.

Монахи в рясах чёрных
Молились день и ночь,
Стремясь в трудах упорных
Душе своей помочь.

Они в молитве Богу
Любовь свою несли,
В быту монахи строгом
Есть свет и соль земли.

Дал многим душам пищу,
Смирение и мир
На Белом городище
Далматов монастырь.

34 Успенский монастырь был построен в 1644 году на месте Белого городища при слиянии рек Теча и Исеть. Ныне город Далматово Курганской области.

35 Мокринский Дмитрий Иванович — тобольчанин, заслужил звание сибирского дворянина. Основал Успенский монастырь. Впоследствии был возведён монахами в сан «старца Далмата».

36 Земли, на которых был заложен Успенский монастырь, принадлежали тюменскому татарину Илигею, неоднократно совершавшему нападения на кельи монахов.

37 Схима — высшая монашеская степень, требующая от посвященного выполнения суровых аскетических правил.

38 Кукуль — часть облачения монахов, принимающих великую схиму. Он носится на плечах вместо клобука и покрывает голову и плечи.

Масленица

В честь праздника набега
Ждал снежный городок,
В нём стены поверх снега
Оделися в ледок.

Стоял на том он месте,
Где в прошлом был острог,
Всем в городе известно,
Что штурм начнётся в срок.

Весёлый люд был в сборе,
Команды только ждал.
Народ вблизи собора
На пустыре стоял.

В толпе были арабы,
Турецкие паши,
Мужик, ряжёный в бабу,
Подбрасывал ножи.

Всё лихое воинство
Возглавил генерал,
Он ходил с достоинством,
Готовность проверял.

В плетёных эполетах
Соломы жёлтый цвет.
Вместо награды монеты,
Мундир петровских лет.

Грудь розовою лентой
Обвита. Меч в руках.
Звучат аплодисменты
Челябинских зевак.

Братъ городок он ехал
На кляче гужевой,
Встречали его смехом
И с радостью большой.

Знамёнчики шли лихо,
Построившись в рядок.
На самой длинной пике
Висел цветной платок.

А вслед за ними дружно
Толпа могла идти,
Одно лишь было нужно —
В тот городок войти.

Народ бегущий стены
С азартом осаждал,
Потешны были сцены,
Смех храбрых награждал.

По улице весенней
Связку саней везут.
Передвижную сцену
Все «кораблём» зовут.

А в центре тех подмостков
Есть мачта с колесом,
Канаты всюду жёстко
Завязаны узлом.

Внизу стояли в масках
Певцы, на каждом бант.
Танцор резвился в пляске,
Пил водку музыкант.

Играли, пели песни
На палубе не все,

Фигура интересная
Видна на колесе.

Она рукой держалась
За мачту корабля,
На флаге красовались
Два белых кобеля.

Платье на ней красное
Давно прошедших лет,
Она с улыбкой ясною
Всем слала свой привет.

Героиня праздника
Стоит на колесе,
Следом едут всадники
По скользкой полосе.

А вдоль саней теснится
В снегу гурьбой народ.
И «кораблю» стремится
Дать вовремя проход.

По улице вёз пару
Впряжённый в дровни ³⁹ бык,
Чета, что твои बारे,
Расселась важно в них.

Но кто они? Загадка.
Под масками харюш ⁴⁰,
Масленица — бабка,
А рядом её муж.

Сидела молодушка
Лицом к ним на быке,
Ворчала, как старушка,
Крутила кнут в руке.

Чета, общаясь мирно,
Толпе улыбки шлёт.
Свекровушка настырно
Супругов словом бьёт.

Бык бедный её терпит,
Лишь изредка мычит.
Она же задом вертит
И на него кричит.

Народ кругом смеётся
Порой до самых слёз.
Прекрасный день. И солнце
Ослабило мороз.

На масленицу вышла
Почти вся детвора,
К ней в зимние жилища
Пришла весна с утра.

Дух праздника особый,
И сердце его ждёт,
Хоть и стоят сугробы,
Настал весны черёд.

Девушки и девицы
Скакелей ⁴¹ любят взлёт,
Взвиться выше целятся,
Их щёки воздух жжёт.

Счастливики смеются
Под возгласы подруг,
Коль вовремя пригнуться —
Захватит даже дух.

Качели ждут детишки,
В глазах у них азарт,

На санках мчат мальчишки,
Начав на горке старт.

И пахло мокрым снегом,
Гармонь тянула в пляс,
Пёс громко лаял пегий,
Проваливаясь в наст.

И ласковое солнце
Дарило яркий свет.
Кто в праздник насмеётся,
Тот знать не будет бед.

В Челябине в полдень ясный
К костру все подошли
И зимушки прекрасной
В нём чучело сожгли.

Потешной пушки выстрел
Тревогу не несёт,
А треск его и искры
Лишь радуют народ.

39 Дровни — крестьянские сани для перевозки дров и иных грузов.
Дровни не имели кузова.

40 На масленицу уральские казаки рядились в вывернутые
наизнанку шубы и в войлочные маски, которые назывались
«харюшами». См.: История казачества азиатской России. Том 1. С.
232 - 233.

41 Скакели — так в те времена казаки называли качели.

Служилые люди

В края эти лесные
На поиски земли
Сквозь заросли сплошные
С надеждой люди шли.

Все те, кого встречали
Из деревень, слобод,
Здесь землю получали
И милость царских льгот.

Сословие то светское
Спасало много лет
Провинцию Исетскую
От всех возможных бед.

Служилых тьма в Челябине,
Треть войска в ней живёт.
Казак, владевший саблей,
Заслуживал почёт.

Долг казаки свой трудный
В охране здешних мест
И в праздники, и в будни
Чли за большую честь.

Их семьи жили дружно
В слободке за рекой,
Несли исправно службу,
И всюду был покой.

Но меньше становилось
В Челябине казаков,
Землём обзаводились
Потомки мужиков.

Власть наделы часто
Им стала отводить.
Казак считал за счастье
Своим хозяйством жить.

В длиннющей шапке серой
Ходил казак весь день,

Был службой занят в меру,
Всегда носил чекмень ⁴².

То был кафтан с запахом
С разрезом в рукавах.
Легко в нём делать взмахи
И сеять саблей страх.

Шаровары прочные
Ползли на сапоги,
Обувку шили точно
С удобством для ноги.

Но вольности в одежде
Встречались всякий раз.
Всегда так было прежде,
Потом ввели указ.

Был форме оренбургской
Дан светло-синий цвет,
По представленьям русским,
Его прекрасней нет.

На фоне том атели
Обшлага, подбой,
И кушаки ⁴³ чернели,
Свисавшие петлём.

В полной амуниции
Казак был очень мил
И с вдовами, девицами
Амуры заводил.

Крещение казачье
В те годы повелось,
Сам атаман прискачет
И свой задаст вопрос:

«Чураешься, мамаша,
Ты барина, аль нет?
Он ведь в жизни нашей
Причина многих бед».

Казачка молодая
Согласие дала:
«Сынок мой, подрастая,
Не должен видеть зла».

Атаману нравится
Той женщины ответ,
К поясу он тянется:
«Целуй же пистолет,

Приложись и к сабле —
Твой сын будет казак,
Чтоб войско не ослабло,
Пусть крепнет на глазах.

Он взрослым нашу волю
От власти защитит,
Работать будет в поле
И в вере древней жить».

Молодка целовала
Сабельную сталь
И Бога призывала,
Чтоб их не оставлял.

Дорог для казачества
Крестьянский вольный труд,
Ратные же качества
Его в поход зовут.

Особая культура
И бытовой уклад

Влияли на натуру
И на житейский взгляд.

Казак с душой открытой
Любил простор дорог,
С родной природой слитый
Без песен жить не мог.

Сильна была держава
Отвагой казаков,
Известна в войнах слава
Их доблестных полков.

42 Чекмень — казачья верхняя мужская одежда. В течение XVIII века в казачьих войсках складывалось определённое однообразие одежды, которого не было раньше. С середины 70-х годов вводится по указу форменная одежда оренбургских казаков.

43 Обшлаг — отворот на конце рукава и нижняя пришивная часть рукава Подбой — то, что подбивают под верхнюю ткань. Кушак — пояс, чаще матерчатый.

Старообрядцы

До здешних мест добраться,
Гонимые всегда,
Смогли старообрядцы
В те трудные года.

Они лишь предков веру
Стремилась сохранить,
Старались жить примерно
И Господу служить.

Везли с собой иконы
Древнего письма.

С тех досок закопчённых
Смотрела Русь сама.

Во все концы России
Из милых сердцу мест
С собою приносили
Восьмиконечный крест.

«Иисус Христос сын Божий»⁴⁴ —
Написано на нём.
На меди образ ожил,
Очищенный огнём.

Рельефные сюжеты
И патины загар.
Сверкает многоцветный
Стекла застывший жар.

Эмаль на тёмном фоне
Как самоцвет горит,
Свет в сочном цвете тонет
И взоры ворожит.

Как светлое творение
Души и ремесла,
Вечное горение
Иконка та несла.

Она в себе хранила
Священное тепло,
И беды отводила,
И побеждала зло.

В ней жила намоленность
Множества людей
И влекла особенность
Давно минувших дней.

Все образы святые
На медных образках,

В скитах⁴⁵ глухих литые
Останутся в веках.

В густых лесах Урала
Невьянский⁴⁶ был завод,
Там староверов брали
Для каторжных работ.

Их общины имели
Отличных мастеров,
Что занимались делом
В тиши своих дворов.

Они там лили тайно
И складни, и кресты,
И их по сёлам дальним
Старались развезти.

Могли писать иконы
Для сёл и крепостей
По древнему канону
Без ведома властей.

Богомазы иноки,
Искусные весьма,
Следовали признакам
Старинного письма.

Здесь книги почитали
Давно минувших лет⁴⁷,
Слова в них излучали
Отцовской веры свет.

Бумага в каплях воска,
Насквозь он в лист проник,
Блестели тёмным лоском
Углы раскрытых книг.

Их от доски писали
Монахи до доски,
И в тишине казалось,
Скрипит перо с тоски.

В них есть миниатюры
И буквиц красных вязь,
А книжная культура
Имела с Русью связь.

Иную книгу годы
Умелец мог писать,
Заставочек разводы
Не просто создавать.

Всегда узор их сложный
Манил пытливый взгляд,
Обложка в тёмной коже,
Застёжечки висят.

Все прикосновения,
Оставившие след,
Хранили вдохновение
Людей несущих свет.
По книгам пели нотным
В молитвенных домах,
Пестрели тканью плотной
Закладки на листах.

Знамённый ⁴⁸ крюками
Распев записан в них,
Читался стариками
Мир звуков древних книг.

И все, кто тайну знали
Тех безлинейных нот,
Детишек обучали
По вечерам весь год.

Хор своим умением
Восхищал толпу.
Было это пение
Подчинено столпу.

Лады в нём музыкальные
Различной высоты,
Внятность идеальная,
Мелодии просты.

На каждую неделю
Был свой особый глас ⁴⁹,
Одни напевы пели
В положенный им час.

Круг песнопений длился
Всегда восемь недель.
Хор выразить стремился
Церковной службы цель.

Пенье унисонное
Вносило в душу свет
И сердце просветлённое
Легко могло согреть.

Как жаль, какое горе,
Что был в стране Раскол ⁵⁰
И что людей в ту пору
Сажать могли на кол.

Чтоб не отдаться власти,
Они сжигали скит.
В огне сгорали часто,
Чтоб веру сохранить.

Непонятым образом
Стремление к корням

Власть считала тормозом.
Народ же был упрям.

В том дьявола напасти,
Что русских Молох⁵¹ брал.
Из-за безумства власти
Невинный умирал.

Один старообрядец
Воскликнул на суде:
«Я православный старец,
Привыкший жить в беде.

Видит Богородица,
Мы верой лишь сильны,
Пусть о нас помолится,
России мы сыны».

Урал старообрядцев
Ценил за честный труд,
Стал ими пополняться
Его работный люд.

Он нужен на заводах,
На многих рудниках.
Всё меньше год от года
Пришедших мучил страх.

Изгои в самых дальних
Старались жить местах.
Двумя перстами тайно
Молились в крепостях.

В провинции Исетской
Их древней веры дух
Наивностию детской
Всех покорял вокруг.

Не зная всех событий,
Считал простой народ,
Что в староверском быте
Для власти нет хлопот.

44 «Иисус Христос...» — старообрядцы отвергали исправление, принятое реформой Никона в написании имени Сына Божия «Иисус», и писали его по-прежнему с одной буквой «и».

45 Скит — старообрядческий монастырь в глухой пустынной местности.

46 Невьянский завод основан в 1700 году.

47 Старообрядцы признавали только те книги, которые были переписаны или напечатаны до Никона. Никон (Минов Никита) (1605 -1681), русский патриарх с 1652 по 1658 год. Осуществил церковные реформы, которые привели к Расколу. Окончил свою жизнь в изгнании.

48 Древнейшие сборники церковных песнопений были написаны «крюками». До XII века было два типа крюков, соответствующих «кондакарному» и «знаменному» напевам. С XIII века сохранил существование только знаменный распев, дошедший до наших дней. В этом распеве напевы записывались особыми знаками — знаменами. Распев существовал в рамках системы осмогласия, то есть суммы мелодичных формул (попевок), предназначенных для распевания текстов на какой-либо глас. Гласы различались по мелодическому содержанию, количеству попевок и по конечному тону. При патриархе Никоне исправленные книги стали писать не крюками, а линейными нотами, которыми пользовались в Киеве. Знаменное пение (унисонное) и крюки сохранились в старообрядческой среде без изменения.

49 Глас — то же, что голос и напев. Церковные песнопения поются на разные напевы. По церковному преданию, святой Иоанн Дамаск в VII веке ввёл в употребление восемь напевов, называвшихся гласами. Существовали разные напевы: киевский, знаменный, столповой, греческий и болгарский.

50 Раскол — следствие реформ патриарха Никона в 1653 -1656 годах. Раскол привёл к отделению от Русской Православной церкви части верующих, не принявших эти реформы. Старообрядцы поповского толка позже создали свои церковные организации. В них входили единоверцы и последователи Белокриницкой иерархии.

51 Молох — бог солнца в религии Древней Финикии и Карфагена, а также в Израильском и Иудейском царствах до 622 года до н.э. Этому богу часто приносили человеческие жертвы.

Начало восстания в горнозаводском крае Исетской провинции

Народ заводов горных
Восстанье поддержал,
Отряд бойцов упорных
Уфу взять угрожал.

Полтысячи рабочих
Спешили к ним прийти,
Всех воевать охочих
Зарубин брал в пути.

На Саткинском заводе ⁵²
Взял люд работный власть
И выборных от схода
На юг решил послать.

Те, встретив Кузнецова ⁵³,
Решили с ним уйти,
У них была основа
Для общего пути.

Власть новую здесь скоро
Избрал казачий сход,
Мог атаман в ту пору
Объединить народ.

Тут соблюдался строго
Казачий образец,
Теперь круг значить много
Стал в жизни наконец.

И вот завод встал в Сатке,
Был в смуте Златоуст,
Народа с властью схватки
К борьбе привили вкус.

А войско пополнялось.
Стремился Кузнецов,
Чтоб у него осталось
Побольше удалцов.

Кузнецом умелым
Казак табынский слыл,
Отчаянный и смелый,
Он был в расцвете сил.

Всегда весёлый, шумный,
Он взоры привлекал.
Но взгляд был очень умный
И в душу проникал.

Он в Златоуст вернулся,
Переманив солдат,
Невольно улыбнулся —
Был город ему рад.

Среди зимы с отрядом
Ушёл он на Кунгур,
Окинув грустным взглядом
В дороге Косотур ⁵⁴.

В декабрьскую стужу
Собрал Грязнов ⁵⁵ народ,
Был горный край разбужен
У заводских ворот.

Полковник пугачевский
Здесь атаманом стал,

Людей всех по-отцовски
Жалел и понимал.

Отныне знал он точно:
К Челябине путь открыт.
Но стены её прочны
И гарнизон не спит.

Каслинский люд работный
Смотрел на власть всё злей,
К нему примкнул охотно
Соседний Уфалей ⁵⁶.

Завод Нязепетровский ⁵⁷
Власть начал волновать.
Для устрашенья войско
Она спешит призвать.

Губернии Сибирской
Три сотни казаков
Послали в край кыштымский
Сдержать бунтовщиков.

Там их майор Чубаров
Старался усмирить
И вновь порядок старый
Везде восстановить.

С Кыштымского завода ⁵⁸
К Грязнову шлют парней,
Башкиры же приводят
В его отряд коней.

Восставшие по зову
Людей из разных мест
Читают Пугачёва
Известный манифест.

О вольностях, как чуде,
Работный люд узнал,
Слова Петра повсюду
Он с радостью встречал.

Чубаров был со штабом
Отправлен в Златоуст,
Росли кругом масштабы
Бунтарских смелых чувств.

А все, кто так хотели
Порядок навести,
Со временем успели
К Грязнову перейти.

Но сам майор Чубаров
Повешен был толпой,
Расправу с властью старой
Свершил народ простой.

Весь горный край отныне
Оплот восставших сил,
Здесь Пугачёва имя
Народ произносил.

И пели песни всюду
В повстанческих рядах
О том, как мстили люди
За нищету и страх:
«Нас пугали Пугачём —
Он кормил нас калачом.
Государь нас бил сплеча —
Пугач дал нам калача.
Вот пришёл Емельюшка,
Его пришла неделюшка.
Гольтьба тут догадалась,
К Емельяну собиралась —
Позабыли про иконы,

Про кресты и про поклоны —
Всё пельмени да блины,
Веселились туто мы.
А попов всех на костры
И пузатых — под бастрык.
Емельяновы «холопы»
Понадели все салопы,
А как барские девочки
Отдавали перстенёчки, —
Перстенёчки не простые,
Изумрудны, золотые.
Бери ножик, бери меч
И пошли на бранну сечь.
Тут ватага собиралась,
И вся вместе рать пошла.
С Емельяном в колесницах
Понеслись громить столицы.
Нас пугали Пугачём —
Он кормил нас калачом.
Государь нас бил плеча —
Пугач дал нам калача».

Был Оренбург в осаде,
В Челябине зрел мятеж,
Грязное собрал отряды,
Исполненный надежд.

Прощаясь с Златоустом,
Он верил в свой народ
И знал: войны искусство
К нему в боях придёт.

В третий день январский
Признала Кундрава⁵⁹
Всю важность «воли царской»,
Народные права.

В крепость Чебаркульскую
Вошёл он, как в свой дом.
Выдал ружья тульские
Всем перед Рождеством.

Народ здесь хлебом-солью
Отряд его встречал.
Благодарил за волю,
Пять пушек обещал.

Невзоров⁶⁰ в крепость срочно
Наведался к нему,
Хорунжий очень точно
Суть выложил саму.

Поведал он Грязнову,
Как требовал отдать
Челябу власти новой,
Чтоб жертвы избежать.

Как посланца встретили
И увели с собой,
А потом ответили
Из крепости пальбой.

Челябу звал Невзоров
Грязнова штурмовать.
И тот отряды скоро
Стал сам формировать.

Команда полевая
Орудия в санях
Везла, не уставая,
В заснеженных степях.

Вьюга выла злая,
Из Омска путь далёк,

Но вот — собаки лают
Да в избах огонёк.

Обоз на юге ждали,
И надо бы спешить,
Солдат всех задержали
Челябе послужить.

На площадь сани вышли,
Шесть пушек ставят в ряд,
Из церкви пенье слышно,
Стоят посты солдат.

Челябы воевода
Всю ночь не мог заснуть.
Он знал: время уходит
И может вспыхнуть бунт.

«Если отряд отпустим,
То власть не удержать», —
Писал с большою грустью
Он в декабре в Сенат.

Число двадцать девятое
Под рапортом стоит,
«Легче мне с солдатами,
Но всё ж душа болит.

Пять дюжин канониров ⁶¹
И обер-офицер
Пусть поживут здесь с миром
На случай крайних мер».

52 Саткинский доменный, мологовый и медеплавильный завод основан А.С. Строгановым на реке Сатке в 1757 году. Ныне город Сатка Челябинской области.

53 Кузнецов И.С. — казак Табынской станицы (ее крепость была построена в 1736 году). Пугачёвский атаман, полковник. В декабре

1773 года организовал по казачьему образцу власть на Саткинском, Златоустовском и Катав-Ивановском заводах. Казаки сами выбирали атамана, есаулов, урядников и капралов. В январе 1774 года Кузнецов ушел под Кунгур.

54 Косотур — гора, у которой тульские купцы Мосоловы в 1751 году начали строить железный завод. Сначала он назывался Косотурским, а позже в честь Иоанна Златоуста стал называться Златоустовским. Здесь же в 1754 году на реке Аи был основан город Златоуст. С христианским святителем связано и название города.

55 Грязнов Иван Никифорович (1725 — 1774) выходец из сибирских купцов. Разорившись, работал по найму на уральских заводах. Примкнул к восставшим отрядам и стал пугачёвским атаманом и полковником. Был послан Пугачёвым на Южный Урал для создания повстанческих сил в Исетской провинции и захвата Челябиня. Руководил осадой Челябинской крепости. 8 февраля занял Челябину, а в марте был вызван в Берду к Пугачёву. Участвовал в походе на юг Исетской провинции. См.: Скрипов А.И. Энциклопедия Златоуста. Златоуст, 1994. Том I. С. 93.

56 Уфалейский завод — основан в 1761 году. Каслинский завод -основан в 1746 году тульским кузнецом Яковом Коробковым. С 1751 года владельцем завода стал Н.Н. Демидов. Ныне город Касли районный центр Челябинской области.

57 Нязепетровские доменный (чугунолитейный) и молотовый (железоделательный) заводы были основаны в 1747 году балахнинским кушцом и промышленником Петром Осокиным.

58 Кыштымский завод основан в 1757 году. Принадлежал Н.Н. Демидову. С 1934 года город Кыштым Челябинской области. «Нас пугали Пугачём» — песня опубликована В.П. Бирюковым. См.: Фольклор Урала. Вып. I. Исторические сказы и песни. — Челябинск, 1949. С. 26. Песня цитируется по тексту, опубликованному в Библиотеке поэта (малая серия), «Исторические песни». — Ленинград, 1956. С. 251-262.

59 Кундравинская слобода находилась в пятнадцати верстах от Чебаркульской крепости. 3 января 1774 года к слободе подошёл отряд рабочих людей и башкир во главе с пугачёвским полковником Грязновым. Кундравинские жители открыли ворота слободы и с восторгом признали власть атамана Грязнова.

60 Невзоров Наум (1731 — 1774) прибыл на поселение в Челябину в феврале 1740 года с дедом-крестьянином деревни Воробьевой Шадринского дистрикта. Хорунжий Невзоров был одним из

руководителей восстания в Челябине 5 января 1774 года. В этот же день, потерпев поражение, он смог уйти из крепости. 10 января, во время штурма Челябине отрядами Грязнова, Невзоров был схвачен и умер под пытками. Генерал Деколонт, 13 января прорвавшийся в Челябину, приказал бить кнутом труп Невзорова, затем его проволокли по всем улицам. Потом тело хорунжего было выброшено за крепостную стену.

61 Канонир — рядовой артиллерист.

Восстание в Челябине 5 января 1774 года

С Уржумцевым⁶² уж к ночи
Штаб в войсковой избе⁶³
Решенье принял срочно —
Присвоить власть себе.

И казаки, над планом
Сидевшие всю ночь,
Решали, как обманом
Штурмующим помочь.

Чтоб без потерь народных
Всю власть в Челябине взять,
Людей, для бунта годных,
Старались подобрать.

Верёвкин-воевода
Под стражу будет взят,
И к радости народа
Ворота отворят.

Тогда повстанцы станут
Действительно сильны,
Урал, в восстание втянутый,
Решит исход войны.

Так в крепости Челябине
Событий шёл черёд,

В казачьем главном штабе
Созрел переворот.

А с утра восстание
В Челябине началось,
Вся боязнь растаяла,
Осталась только злость.

Исетский воевода
Был абсолютно прав:
«Ждут казаки прихода
Бунтующих орав».

Не знал советник статский
Совсем простых людей,
Союз им дорог братский
И с кем идти видней

Случись стране угроза
От иностранных сил,
Казак всей силой грозной
Её бы защитил.

У дома воеводы
Сибирских пушек ряд
Берёт Уржумцев сходу,
Арестовав солдат.

Ринулись все с яростью
Верёвкина брать дом.
Слуг убив безжалостно,
Всё разгромили в нём.

Уж больно торопились
Повстанцы править суд,
Раз город взять решились,
Закон они не чтут.

На паперти собора
Был воевода взят.
Казалось, что бесспорно
Несчастливого казнят.

Но казаки решили
Его всем показать,
Вожжи притащили,
Чтоб пленного связать.

По снегу притащили
К войсковой избе
И там его вручили
Безжалостной судьбе.

Верёвки арестован,
Восстанье удалось.
Соддатам гарнизона
Развязку ждать пришлось.

Но всё решает олучай.
Оплошность — тайный враг.
Уже сгущались тучи,
Ведь был неверный шаг.

62 Уржумцев Михаил Леонтьевич (1730 – 1774), житель Челябинска с 1736 года. Его отец, Леонтий Яковлевич был записан в казаки в лагере строителей крепости. До этого он был крестьянином Маслянского острога Шадринского дистрикта. Уржумцев был атаманом челябинских казаков. 5 января 1774 года он руководил восстанием в Челябинске, но был схвачен и на следующий день умер под пытками.

63 Войсковая изба — существовала с 1754 года, находилась на Оренбургской улице (ныне ул. Цвиллинга) недалеко от Христорождественского собора. В её состав входили атаман, хорунжий и писарь.

Сражение у деревни Першино 1 февраля 1774 года

Восставшими у Першино⁶⁴
Лагерь был разбит,
Морозом все рассержены,
Почти никто не спит.

В Челябинске свои люди
В деревню дали знать
О том, что корпус будет
С рассветом лагерь брать.

Солдат всех утром ранним
В путь Деколонт повёл.
Бесшумно к месту брани
Он с ними подошёл.

Казался лагерь спящим,
Шел от костров дымок,
Лес, рядышком стоящий,
Укрыться всем помог.

Но хитрые повстанцы
Готовили обстрел,
Тайком стволы их пальцы
Направили на цель.

Пальнули пушки дружно,
Ржут кони, вопли, крик.
Туман совсем ненужный
Откуда-то возник.

Рота вся рассыпалась,
Какой теперь уж строй.
Ещё колонна двигалась —
У лагеря шёл бой.

По льду Миасса конница
Башкирская летит,
Соддатам в тыл проносится
И к лагерю теснит.

Блестели сабли всюду,
Летели сотни стрел,
В снегу лежали груды
Соддатских мёртвых тел.

Ждал Деколонг победы —
Но ей уже не быть.
За горе и за беды
Народ умеет мстить.

64 Деревня Першино — находилась поблизости Челябины на берегу реки Миасс. Её название сохранилось. Сейчас его носит посёлок в начале Металлургического района города Челябинска.

Переход Челябины в руки повстанцев 8 февраля 1774 года

Бежало быстро время,
В права вошёл февраль.
Войны усилить бремя
Он явно угрожал.

Ратуша, полиция,
Семьи чинуш, купцов
Бежали из провинции,
Не тратя лишних слов.
Духовное правление,
Штат канцелярский весь
Вмиг проявили рвение,
Боялись встретить месть.

Спасенья путь, известно,

На север мог идти,
В саях мест мало, тесно,
Всех страх объял в пути.

На Шадринск шли обозы,
Войска спешат туда,
Война — всегда угроза,
Война — всегда беда.

Ввёл в город Костромитин
Отряд повстанцев свой.
Туманов шёл стремительно
В Челябину на постой.

В мае вся провинция
К восставшим перешла.
С тех пор императрицу
Весть эта больно жгла.

Туманова любили
Все те, кто его знал.
С ним вместе ели, пили,
Шли в бой, когда он звал.

Григорий знал татарский
И мог на нём писать,
Умел указом «царским»,
Бунтарский дух поднять.
Был атаман весёлым
И песни петь любил,
Не зря в кыштымских сёлах
Певцом он лучшим слыл.

С природною смекалкой,
Познав смысл ратных дел,
Из каждой перепалки
Он возвращался цел.

Битва под Уксянской слободой 9 марта 1774 года

Под Шадринск шли команды
Сибирских крепостей,
Чтобы разбить все банды,
Спасти престиж властей.

И Деколонг в ту пору
Шесть тысяч человек
Сумел собрать, чтоб скоро
Вернуть себе успех.

Он на Челябину в марте
Передвигаться стал,
Охотник был в азарте —
Зверь сам к нему бежал.

Под слободой Уксянской⁶⁵
Столкнулись они,
Полегли славянские
В сражении сыны.

Десятка три орудий
Соддатам слали смерть.
Битвы той прелюдия
Трясла земную твердь.

Войска сражались лучше,
Точней разили цель.
Летели ядра в гущу
Стоящих плотно тел.

Сошлись ряды на поле
Повстанцев и солдат.
Принёс бой много боли,
Смерть косит всех подряд.

Семь тысяч пугачёвцев
Вступили в смертный бой.
Светило ярко солнце
Над страшною бедой.

Здесь тысяча убитых
И раненых не счесть.
Изрыли снег копыта,
Свистит кругом картечь.

Следы войны крестьянской
Повсюду в тех местах —
Под слободой Уксянской
Пролески все в крестах.

65 Уксянская слобода находилась в 42 верстах от Шадринска. Численность войск генерала Деколонга превышала шесть тысяч человек. Отряды повстанцев насчитывали семь тысяч человек и имели 31 орудие. В битве погибло свыше тысячи человек. По мнению челябинского историка С.А. Сидоренко, она представляла собой одно из крупнейших сражений в ходе Крестьянской войны 1773–1775 годов.

Емельян Иванович Пугачёв

Он был из тёмно-русых,
На вид совсем простой,
Причёсанный со вкусом
Гребёнкою густой.

Блестящий волос ровный
Пострижен под кружок.
Взгляд бегал беспокойный
И неприятно жёг.

Его глаза смущали,
В них злой таился рок,
Вожак был худощавым

И лишь в плечах широк.
Просесть видно редкую
В чёрной бороде,
Матёрость зримой меткою
Вещала о беде.

Зуб в драке был утрачен
Ещё в родных местах,
С тех юных лет там мрачно
Видна дыра в устах.

Цвет кожи смугловатый,
Усталое лицо,
Шутил замысловато,
Носил всегда кольцо.

Рост имел он средний
И в зрелых был годах,
Мог дать пятак последний
Бродяге просто так.

Умел в любое время
При всех пустить слезу.
Сносил смиренно бремя,
Боялся лишь грозу.

В общенье он коварен,
С ним трудно было жить.
Порой неблагодарно
Добро мог позабыть.

Но горькие обиды
Терпел казак года,
Не подавая виду
Нигде и никогда.

Жил в старой вере русской,

Но в церковь всё ж ходил.
А медный складень узкий
С собой носить любил.

Казачий с галунами
Носил вожак кафтан,
Он облегал волнами
Емелин стройный стан.

В толпе во время речи
Он шапку надевал —
Соболий мех на встречах
Солидность придавал.

В руках на людях саблю
Держал он наголо.
Подсвечник в виде цапли
Горел, хоть днём светло.

Долго и с величием
Сидел с пером в руках,
Водил им для приличия,
Испытывая страх.

А в грамоте секретной
Без букв была строка.
Чего не мог терпеть он,
Так это парика.

Хлопуша многократно
Вёл речь издалека:
«Какой ты ампирактор,
Коль нету парика?!» —

«Ну полно, Тимофеич,
Ты зело меня злишь.
Такая это мелочь —
Парик носить! Шалишь!

Их носят чаще баре,
В них пользы просто нет,
Стареют в них задаром
Во цвете зрелых лет.

Да в них армейский лапоть
Скрывает вшей своих.
Казак не станет прятать
Красы волос живых.

Все наши генералы
Не носят париков,
С чего б они играли
В набитых дураков».

Он в мир свободы верил
И волей дорожил,
Реальность ими мерил,
Во имя их грешил.

Повстанцы на юге Исетской провинции (крепость Магнитная)

Апрель. От Белорецка
Пять тысяч человек
На юг свернули резко
В надежде на успех.

К Магнитной ⁶⁶ путь размытый
Тянулся на восток.
Водой были залиты
Следы увязших ног.

Сгоревшие заводы
Остались позади,
В поход много народу

По зову шли вражды.
Челябинска повстанцы
Отправились на юг.
Там многие останутся,
Замкнется жизни круг.

Из Златоуста, Сатки,
Рабочий люд Каслей
В отряд шёл без оглядки —
С Иваном веселей.

Белобородов с ними
Спешил на юг. Народ,
Петра услышав имя,
В его ряды идет.

Где-то на подходе
Перфильева ⁶⁷ отряд.
Овчинников уж вроде
Привел своих ребят.

У Магнитной в мае
Вожак ждал новых сил,
О верности их зная,
Он край занять спешил.

В шестое утро майское
В Магнитной суета,
У стен отряды «царские»
Штурмуют ворота.

Комендант в сражении
Атаки все отбил,
Потеряв терпение,
Вожак вдруг отступил.

Картечью ранен в руку

Был Пугачёв в тот день.
Ждут коменданта муки,
А подчиненных — плен.

Ночью взрыв сильнейший
Всю местность огласил.
Склад взорвать сумевший
Измену совершил.

Весь день с большой отвагой
Сражался капитан,
Но сбит был злой ватагой
И взят во вражий стан.

Пленник Тихоновский
Печально кончил жизнь,
Пред пугачёвским войском
В петле тугой повис.

Лишь замерли солдаты,
Жены взорвался крик.
Свисал петлею сжатый
Казненного парик.

А с комендантом рядом
Повесили жену.
Она с застывшим взглядом
Пугала тишину.

Пожар почти унялся,
Склад тлел уж на земле.
Жечь крепость рьяно взялся
Вожак в великом зле.

Дым облаком клубился,
Пожарище кругом,
И никуда не скрыться
Пленённым от врагов.

Днями теми майскими
Стелили гари тьму,
Степная, Карагайская ⁶⁸,
Крепости в дыму.

Орава оборванцев
Всё рушила и жгла,
Хвалила самозванца
Повсюду, как могла.

Только Верхнеяицкой
Случайно повезло.
Близко враг объявится,
Но мимо зло прошло.

Крепость спасли от схватки
В мундирах чучела,
Стояли в ней «ребятки»
Для большего числа.

Торчали вместо копий
Из дерева шесты,
А «казаков» в лохмотьях
Расставили в кусты.

Эту бутафорию
С двух верст не распознать,
Смог задумку скорую
Ступишин разыграть.

Полковник к стенам вызвал
Служивых и солдат,
И каждый житель вызов
Врагов решил принять.

Пальнув все же из пушек,
Повстанцы вдаль ушли,
А жители в церквушке

На службе свечи жгли.
В направленье к Троицкой
Вел войско Пугачёв.
К руке нельзя притронуться:
Боль мучила плечо.

В седле ему открылась
Предутренняя даль.
В нем бодрость появилась,
Он всматриваться стал.

В том месте, где сливались
Две реки, вдали
Постройки красовались
За насыпью земли.

Вся крепость частоколом
Была защищена.
Тревожно в чистом поле
Дремала тишина.

Церквушки деревянной
Синели купола,
Птицы утром ранним
Летели на поля.

Душистым разнотравьем
Воздух всех пьянил,
Храм новый православный ⁶⁹
Торжественность хранил.

Ввысь устремлялись строго
Пять стройных куполов.
На колокольне много
Больших колоколов.

В полуверсте стояла

Заметная гора,
Звать Пугачёва стала
Она уже с утра.

Степь и лес зелёный
Украсили всю даль.
Туман стелил по склонам
Тончайшую вуаль.

Беда в том состояла,
Что мал был гарнизон.
И это помешало
Создать врагу заслон.

За стенами шесть сотен
Защитников стоит,
Штурмующих ряд плотен
И крепость взять спешит.

Лавина пугачёвцев
Свалила ворота,
Соддаты словно овцы,
Одна лишь маята.

Почти все в гарнизоне,
Иного нет пути,
Сочли вполне резонным
К повстанцам перейти.

Из пушек по собору
Был проведён обстрел.
Зло всюду сеет горе,
Выискивая цель.

Картечь пробила двери,
Снаряд попал в алтарь,
Храм понес потери,
Но выдержал удар.

А после штурма вскоре
Случился в нем разбой:
Тащила утварь свора
Церковную с собой.

Людей с нестойкой верой
Совесьть не спасла,
От варварства потери
Здесь церковь понесла.

Пленённые солдаты
К площади сошлись.
Все пушки были сняты,
Разборки начались.

Присяга Пугачёву
Была очень проста:
К кресту идут по зову,
Целуя лик Христа.

Представший «государю»
Один поклон даёт,
Тому он милость дарит,
Его кто признаёт.

Солдатам режут косы
И в казаки стригут,
Чарочку подносят
И жалуют приют.

В то время комендантом
Был важный бригадир,
С военными талантами
Был связан его мир.

Но только к новой службе

Отбыть он не успел,
Сам Рейнсдорп был с ним в дружбе
И взять к себе хотел.

Давно семейство в сборах,
Ведь слову верен друг,
Должны все были скоро
Уехать в Оренбург.

Де Фрейервар стремился
Штурм крепости отбить,
Но лишь с толпою слился,
Был сразу же убит.

Священника супругу
И бригадиршу вмиг
Связал с хвостами туго
Степных кобыл старик.

Потом кнутом с усмешкой
Ударил лошадей,
Рванулись те, не мешкая,
«Пошли!» — орал злодей.

И офицеров тут же
Подвергли казни злой,
Старались шеи туже
Им затянуть петель.

Когда тела качались,
Являя жуткий вид,
Безбожники смеялись —
Ведь им не ведом стыд.

Окончив суд кровавый,
К горе все отошли,
Здесь вольные оравы

Костры свои зажгли.
В котлах варили мясо.
Весь лагерь пил вино,
Из крепостных запасов
Оно принесено.

Вожак, покинув крепость,
Палатку здесь разбил.
Уняв свою свирепость,
И он с друзьями пил.

Обдумывал захваты
Ближайших крепостей.
Посты все были сняты,
Не ждал никто гостей.

Шёл Деколонг по следу
Воинственной толпы,
Вещали лишь о бедах
Чуть тлевшие столбы.

В пути ему поведал
Купец из Бухары:
«Пугач после победы —
У Троицкой горы».

Стояла с ними рядом
Сгоревшая изба,
И генерал с досадой
Подумал про себя:

«Пожалуй, уже поздно.
О, бедный Фрейервар,
За что свалился грозный
Семье твоей удар?»

Но что ж! Отмщенье будет!

Заплатит кровью вор,
Пусть Бог меня осудит —
Готов мой приговор».

Их встречу отделяли
Лишь шесть десятков верст.
Войска его скакали
При свете ярких звёзд.

Генерала к крепости
Приблизились войска
И нашли на местности
Точку для броска.

Деколонг в искусстве
Военном преуспел,
Не доверяясь чувствам,
Реально ставил цель.

План действий пугачёвский
Был принят на горе —
Решило выйти войско
В путь дальний на заре.

Спит лагерь безмятежно,
Боязни нет следа,
Дозор примчался спешно,
Кричит: «Вставай — беда!»

Солдаты шли рядами,
Стал слышен стук копыт,
И вот уже местами
Сражение кипит.

Дым едкий шёл от пушек,
Лез враг со всех сторон.
Повстанцев ждал в ловушке

Огромнейший урон.
Хотел Белобородов
Прорыв предотвратить,
Но панику в народе
Не смог остановить.

План действий был не ясен.
Дала внезапность знать.
Разрозненную массу
Не просто в бой поднять.

Сидел вожак в палатке,
Терзала сильно боль,
Его отряды в схватке
Проигрывали бой.

Узнав о том, он тотчас
Здоровою рукой
Бегущих бил наотмашь
И звал вернуться в бой.

Сражение шло к исходу
И длилось пять часов.
Смерть средь повстанцев ходит
И валит всех косою.

Урон их просто страшен:
Сорок сотен тел.
Трава кровью окрашена,
На мёртвых лицах мел.

Вид страшил под Троицкой
Масштабами беды,
Как злого рока происки.
Тела кругом видны.

И плакали над речками

Стволы склонённых ив.
Берёзки, словно свечки,
Стояли среди нив.

А по долине Уйской
На многие версты
Цвели с особым буйством
Майские цветы.

Собор под лунным светом
Печально нёс кресты.
Вдруг пронеслась комета
И след её простыл.

Горечь поражения
Так Пугачёва жжёт!
С явным напряжением
Он день грядущий ждёт.

Вот сумерки стустились,
И крепость уже спит,
Лишь женщины молились
За всех, кто был убит.

Тела погибших сносят
В большой степной овраг,
Вожак доставить просит
Свой «государев» флаг.

Сюда он ночью тайно
Пришёл, чтобы успеть
Исполнить долг печальный
Всем тем, кто принял смерть.

Слышны лопат лишь звуки.
Толпа людей скорбит.
Придерживая руку,
Вожак средь них стоит.

Луна давно светилась,
Нёс ветер запах трав,
Живые торопились,
От скорбных дел устав.

И вот, возвысив голос,
Пугачёв сказал:
«Погиб, не вызрев, колос,
И мне его так жаль.

Простите меня, люди!
Я думал — победим,
Но драться ещё будем,
Народ освободим.

В печали я... Нет славных
Теперь со мной сынов,
Нет в мире целом равных
Им, спящим вечным сном.

Спаси, Господь, их души,
Прости меня, раба.
Людей молитвы слушай.
В твоих руках судьба.

Пусть будет каждый волен
Трудиться на земле,
Тогда крестьянин, воин
Не будут жить во зле».

Встал Пугачёв и тихо
Друзьям сказал: «Пошли.
Кто знал, почём фунт лиха,
Поймёт надрыв души».

Впервые он под Троицкой

Сказал своё «прости».
Тяжесть кары божеской
Готов был понести.

Вожак спустился к Ую,
В воде омыл лицо.
В речную гладь стальную
Склонилось деревцо.

Весь лагерь спал тревожно,
Вожак не мог уснуть:
К утру решил, что можно
Вести отряды в путь.

Готовый к схватке крупной,
Окрепнувший в беде,
Он вёл большую группу
К Увельской слободе ⁷⁰.

Туманов в плен был схвачен,
Вели его на юг.
И снова неудача
В пути на Оренбург.

Из леса быстро конница
К отряду понеслась.
Киргиз-кайсаки гонятся,
Охрана вмиг сдалась.

Всех пленников утнали
В Среднюю Орду.
На родине не знали
Про Гришину беду.

Шло Михельсона ⁷¹ войско
Из под Уфы, чтоб взять
После недолгих поисков

Всю Пугачёва рать.
Казалось, нет погони
Вёрст двадцать в Кундраву.
Но вдруг заржали кони,
Копыт стук наяву.

И вновь в ход ружья пущены
В степи под Кундравой.
Повстанцев гнал к Лягушино ⁷²
Отряд передовой.

То Михельсона войско
Спешит наперерез.
Соддаты и повозки
Покинули уж лес.

Мчит всадник одержимо
Навстречу жожаку...
Проходит пуля мимо —
Был выстрел на скаку.

Лишь пороха крупица
Осталась на лице,
В ответ вожак стремится
Осуществить прицел.

И тут гусар изюмский ⁷³
Валиться набок стал...
На сабле его узкой
Сверкнуть успела сталь.

Вел Пугачёв атаку.
Был левый фланг помят.
Его людьми в той драке
Обоз богатый взят.

И с радостью великой
Все ринулись к нему.

Теперь, сколько ни кликай,
Нет дела никому.
Чтоб разобрать добычу,
С себя снимали всё,
Как перед сном обычно,
Оружие своё.

Здесь груды пик различных,
Ружья, топоры
Валялись непривычно,
Нагревшись от жары.

Дреколя ⁷⁴, луки, сабли —
Лежали у телег.
Полки бродяг ослабли,
Армейцев ждал успех.

И мнимая победа
Вдруг принесла беду:
Шел Михельсон по следу
И бил их на ходу.

Хотя и он потери
Большие нес. Итог —
В победу можно верить,
Коль враг лежит у ног.

Нет жожаку удачи -
Шесть сотен полегло,
А он по полю скачет
С саблей наголо.

«Вот чертовы игрушки, —
Подумал Пугачёв, —
Последняя здесь пушка
Пропала ни о чем.

Быстрее, тонконогий!

У, черт тебя побрал...
Мне снова даст подмогу
Огромную Урал».

Уже давно стемнело,
Пришла в пролески ночь,
Она-то и сумела
Бегущему помочь.

Устало войско гнаться,
Чтоб закрепить успех.
Осталось у повстанцев
Пять сотен человек.

В молоденьком лесочке —
Убежище беды —
Стояла бричка с бочкой
Колодезной воды.

Тут сотен было много
Плененных бедолаг.
Вожак держал их строго,
На нищенских паях.

Он здесь оставил пленных
Измученных людей,
Соддат обыкновенных,
Дам, юношей, детей.

Тут были офицеры,
Что казни ждали срок.
Веселый пёсик серый
Их забавлял, как мог.

Такой предстала взору
Походная тюрьма —
Хранительница горя
И рабского ярма.

Шел Пугачёв в Челябу
И верил: его ждут.
Коль было б так, нашла бы
Она ему приют.

В Коелгинской ⁷⁵ крепости,
Узнав, что город взят,
Был вожак в свирепости,
Поник орлиный взгляд.

Семь дней он вдоль речушек
Бродил в глухих местах,
Нашел там пару пушек
В прибрежных крепостях.

Потом пошел к Миассу,
Надеясь на авось,
Собрать народу массу,
Чтоб пламя вновь зажглось.

66 Крепость Магнитная — основана в 1743 году на берегу реки Яик. Ныне город Магнитогорск Челябинской области. Представляла собой один из опорных пунктов Оренбургской пограничной линии.

67 Перфильев Афанасий — яицкий казак, пугачёвский атаман. В начале мая 1774 года прибыл со своим отрядом к Магнитной крепости. Казнен вместе с Пугачёвым 10 января 1775 года в Москве.

68 Крепость Степная и крепость Карагайская были основаны в 1743 году. Название Степная связано с тем, что она была построена на правой степной стороне реки Уй. Уклы-Карагайская крепость носила название Уклы-Карагайского бора.

69 Собор Святой Троицы — построен в 1762 году. Храм каменный, иконостас деревянный, золочёный. Колокольня имела 8 колоколов. Собор сохранился до наших дней.

70 Увельская слобода — Нижнеувельская слобода была построена в 1749 году на левом берегу реки Увельки. В ней имелось 150 крестьянских дворов и церковь Николая Чудотворца. Имела заплот с рогатками и надолбами. См.: Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. — Уфа: «КИТАП», 1999. С. 259 - 260.

71 Михельсон Иван Иванович (1740 – 1809), генерал от кавалерии (1797), участник Семилетней (1756 – 1763) и русско-турецкой (1768 – 1774) войн. В начале 1774 года в чине подполковника был назначен командиром карательного отряда в Башкирии. Нанес поражение войскам Пугачёва под Уфой (март 1774) и Казанью (июль 1774). Летом получил чин полковника. Преследовал повстанцев до Царицина и Черного Яра. Внёс значительный вклад в разгром пугачёвских отрядов.

72 Вблизи деревни Лягушино, находившейся у Кундравинской слободы, Пугачёв встретил отряд правительственных войск полковника Михельсона. Он был послан из Уфы для разгрома остатков повстанческих формирований, разбитых под Троицкой крепостью.

73 В сражении приняли участие гусары Изюмского полка. 22 мая в 20 верстах от слободы Кундравинской Пугачёв встретился с отрядом правительственных войск Михельсона. Пугачёв атаковал левый фланг противника и вызвал бегство солдат. Поначалу отряды повстанцев показались Михельсону стройным войском. Он занял выгодное для себя положение возле леса и скоро перешел в решительное наступление.

74 Дреколя — дубины, палки, колья, употребляемые как оружие.

75 Коелгинская крепость (Коельская крепость) стоит в устье реки Коелги. Основана в 1747 году. Сейчас село Коелга Еткульского района Челябинской области.

Приход Пугачёва в Златоуст 31 мая 1774 года

В то время в Златоусте
Сменилась быстро власть
И было бы безумством
Мечтать туда попасть.

Тогда стояли в городе
Имперские войска,
Михельсон в нём вроде бы
Лишь провиант искал.

Но был покинут скоро

Мятежный Златоуст.
Ушли солдаты в горы.
И снова город пуст.

Вожак, узнав об этом,
Был несказанно рад
И к городу с рассветом
Привёл большой отряд.

Дорога шла на запад,
Спускаясь круто вниз,
Вдоль Косотура запахи
От горных трав неслись.

Дома словно сбегали
Со склонов стройных гор.
И вид красивой дали
Манил идущих взор.

Туман стелился всюду
В долине речки Ай,
Шли Пугачёва люди
Под вой собак и лай.

В низине загорелись
Десятка три костров,
Вокруг них люди грелись,
Жгли барки вместо дров.

Кобыл угнали тощих
Какой уж раз за год.
Сто пятьдесят рабочих
Собрал этот приход.

А те, кто власть встречали
На площади на днях,
Убитыми лежали
И вызывали страх.

Беда большая — смута!
 Смела она закон,
 Решает всё минута
 Иль чей-нибудь резон.

Верховые первыми
 Шли, а в конце обоз.
 Дороги были скверные
 После первых гроз.

Телеги, брички, дроги ⁷⁶
 Ползли на перевал.
 Он древнюю дорогу
 К Казани открывал.

Когда ушли обозы,
 Старик седой сказал:
 «Что ж делается, Боже!
 За что нас наказал?»

Церковь деревянную
 На берегу пруда
 Спалили окаянные
 Без всякого стыда».

Запел вдруг песню кто-то
 Из шедших впереди.
 Она звала к полёту
 Бунтарских чувств в груди:

«На Уралочке, да на Уралочке
 Пышет пламечко, пышет пламечко.
 Сырой бор горит, да сырой бор горит,
 Разгорается, разгорается.
 Добрый молодец, да добрый молодец
 Разъезжается, разъезжается.
 С отцом-матерью он прощается

Он прощается, он прощается.
 С красной девушкой обнимается,
 Обнимается, обнимается.
 Как попасть ему, да как попасть ему
 В рать казачую, рать казачую.
 Как идти в поход, да как идти в поход
 С атаманушкой, с атаманушкой.
 С удалым молодцом, с удалым молодцом
 С Емельянушкой, с Емельянушкой.
 На Уралочке, да на Уралочке
 Пышет пламечко, пышет пламечко» ⁷⁷.

И отзывались эхом
 Слова средь этих гор.
 И всех, кто шёл и ехал,
 Зелёный звал простор.

Так наступало лето,
 Походная пора.
 Земля теплом согрета,
 Днём может быть жара.

И белых тучек клочья
 Закрыли небосвод.
 Шли повстанцы срочно
 На Саткинский завод.

⁷⁶ Бричка — легкая повозка. Брички чаще были открытыми. Дроги — длинная повозка без кузова с длинной дорогой или дорогами. (Дрога — продольный брус в повозках, соединяющий переднюю часть с задней.)

⁷⁷ Популярная на Урале песня «На Уралочке» встречается в разных вариантах. Один из них опубликован в сборнике И.С. Зайцева «Народное творчество Южного Урала». Челябинск, 948, стр.20. Приведенный в тексте вариант был записан в 1965 году в деревне Алек-сандровка Саткинского района Челябинской области от Ксении Григорьевны Чапиной. В то время ей было 60 лет. В записи этой песни в составе фольклорной экспедиции ЧГПИ участвовал автор поэмы «Че-ляба» С.А. Тимошенко. Песня была включена

в сборник: Родные напевы. Старинные и современные русские народные песни Урала. Выпуск I. Составил сборник руководитель экспедиции А.И. Лазарев. Нотная запись В. Хоменко. — Челябинск, 1969. С. 14.

Тургояк

Листву кусты бросают
В лицо проводника,
Повстанцев он спасает
От войск наворачья.

Гладь воды блестящую
Через густой сосняк
Увидел он сквозь чащу
И крикнул: «Тургояк!»⁷⁸,

Отряд остановился.
Не зная слова смысл,
К башкиру обратился
Вожак, глядевший вниз.

«Что ты сказал, дружище,
Увидев берега?»,
«Стоянка будет, пища,
Ну знаешь, топ нога».

«Что ж, ноги остановим.
Да и отряд устал.
Красу эту освоим
И обустроим стан.

Славное название!
Вода светлей слезы,
За твои старания
Спасибо, Бейгазы».

И проводник чуть сдвинул
Шапку на чело,
Слегка нагнувши спину,
Ответил: «Ничево».

Емельян вдоль берега
Решился погулять.
Взгляд его ствол дерева
Стал чем-то привлекать.

Вблизи сосны зелёной,
Осматривая даль,
С улыбкой удивлённой
Он в мыслях рассуждал:

«Корни её, как змеи,
Причудливо сплелись,
Но как они сумели
Спасти на камне жизнь?»

Сосна-то на утёсе
Поди уж век стоит,
Ненастья все выносит,
А как прекрасен вид!

Вот диво где — в природе.
С корнями схожи мы.
В ненастьях жизни бродим
До наступленья тьмы».

Себе повстанцы быстро
Поставили ночлег.
Костров летели искры,
Котлы прельщали всех.

Озеро, как блюдечко,
Хрустальная вода,
Прохладой тянет чуточку

Растаявшего льда.

Волн ряды задорно
Под гребнями бегут.
Травиночки упорно
Приливы нежно гнут.

У ног песок мельчайший
Лежит на берегу.
Чуть выше сосен чащи
Гор склоны берегут.

А вдалеке сверкала
Воды зеркальной гладь.
Луна уже ласкала
Земную благодать.

Всё стихло понемногу,
Иным уж снятся сны.
Здесь благодарны Богу
За все дары весны.

Сидел казак на камне
И в озеро глядел.
О мире светлом, давнем
Он тихо с грустью пел:

«Где ты, дева красная,
Любимая моя,
Сердце моё страстное
Погибнет без тебя.

На войне, коль станется
Мне отдых небольшой,
Образ твой является,
Как будто бы живой.

Не спеши, красавица,
Со мной в мечте побудь,
Косы твои нравятся
И трепетная грудь.

От глаз твоих пригожих
Я взор не отведу,
Помог бы ты мне, Боже,
Вновь обойти беду.

Казачья наша доля —
Служить и воевать,
Всего дороже воля
И милой девы стать».

Степан печальным взором
На озеро смотрел,
Костёр, чуть тлевший рядом,
Его приятно грел.

Искрится лунным светом
Спящий Тургояк,
Вожак ведёт беседу,
В палатке полумрак:

«Овчинников, послушай,
Что я сейчас скажу,
Тебя на всякий случай
Я в тайну посвящу.

Уйти нам будет трудно,
Ждёт встречи Михельсон,
Бочонок многопудный
Быть должен мной спасён.

В нём золото и камни,
Все дивной красоты,
После походов дальних

Мы сможем их спасти.

А ныне на рассвете
Мы в лодке поплывём,
Местечко там приметим,
И клад на дно пошлём».

В открытую палатку
Прокрался свет Луны.
Бочоночек украдкой
Несли под плеск волны.

Туман холодный тонкий
Скрыл берега песок.
Двое людей в лодчонке
Гребли наискосок.

Пугачёв, прищурившись,
Вдали что-то искал
И, на миг задумавшись,
Андрею вдруг сказал:

«От берега в сторонке,
Гляди, там виден мыс —
Вот место для бочонка.
Смотри не надорвись.

Давай вдвоём возьмемся
За этот ценный груз,
Победы как добьёмся,
Я вновь сюда вернусь».

Виднелся лагерь спящий,
Нет в озере следа,
Всплеск шумный и бурлящий
Разгладила вода.

«Красота редчайшая», —
Промолвил Пугачёв.
Чайка вдруг кричащая
Промчалась над плечом.

Проснувшееся солнце
Зажгло в воде лучи.
Дымок над лесом вьётся
От временной печи.

«Что-то рука заныла...
От тяжести поди».
Они обратно плыли,
Ждал берег впереди.

Туман стелился белый
И розовел восход.
Вдруг лодка дном задела
В воде лежащий лёд.

Пронесся ветер вольный,
Сливалась с небом даль,
И Пугачёв довольный
На землю бодро встал.

78 Тургояк — одно из прекрасных озер Южного Урала. Расположено в межгорной котловине, которая ограждена хребтом Урал-Тау на западе и Ильменским на востоке. Протяженность озера с севера на юг 12 км, ширина с запада на восток 9 км. Длина береговой линии почти 27 км. Это самое прозрачное озеро на Урале. Его дно просматривается на глубине 15-20 метров. См.: Тургояк, озеро-памятник природы и окрестности. — Челябинск. Издательство «Рифей», 1993. С. 3. На Урале «народная молва свидетельствует о том, что от правительственных отрядов Михельсона Пугачёв скрывался в мае 1774 года с башкирцем-проводником в лесной глуши около озера Тургояк...». См.: Под знаменем Пугачёва. — Челябинск, 1973. С. 36.

Уральский дивный край

Зовущие просторы,
Бескрайняя краса,
Повсюду перед взором
Долины и леса.

Ночь росу оставила,
Клубит густой туман.
Звёзды все растаяли,
Гор обнажился стан.

Склоны их зелёные,
Поросшие сосной,
Оставались сонными,
Мир радуя красой.

А на лесной опушке
Рассвет подслушал лось.
Солнце на верхушках
Больших берёз зажглось.

Его лучи в росинках
Искрятся и горят,
Так множество травинок
С рассветом говорят.

Берёзки, словно в праздник,
В пролесках меж полей
Гонят, словно всадники,
Невидимых коней.

Луг в цветах неярких
Умыт уже росой.
И ему в пору жаркую
Совсем не страшен зной.

Гнутся травы зрелые
В порыве ветерка.
Словно лента серая,
Видна вдали река.

Уральское раздолье,
Местами без границ,
С тревогою над полем
Пронёсся гомон птиц.

Под солнцем даль искрится
Таинственных озёр.
Здесь может восхититься
Их красотой взор.

Небосвод в них смотрятся
И цепь прибрежных гор,
Чайки с криком носятся,
Затеяв с ветром спор.

Темнеет. Всё заметней
Озёр сверкает гладь,
Луна свой серпик светлый
В ней собралась купать.

Она сквозь тьму густую
В воде роняет след,
Дорожку золотую
Оставил её свет.

Красавице не спится
В час поздний, как всегда.
Вдруг дальняя зарница
Погасла без следа.

В ночи не может скрыться
Прекрасная печаль,
Сквозь хвойные ресницы
Озёра смотрят вдаль.

Приближение лета

Вновь приближалось лето,
Прекрасная пора.
Окрестности согреты
Солнышком с утра.

Мимо домов спокойно
Вода в реке текла
И многих в полдень знойный
Прохладою влекла.

Тянулись за Челябиной
Лесные берега.
С дождями будут хляби
И сочные луга.

Бревенчатая крепость
Обвила городок,
Ласкал лесную местность
Весенний ветерок.

Кресты горели ярко,
Синели купола,
Звенели в полдень жаркий
Церквей колокола.

Эпилог

Уходят корни в древность,
И в них России мощь,
Родным истокам верность
Стране должна помочь.

Все те благословенны,
Кто ими дорожит,
Кто дух российский ценный
Навечно сохранит.

Кто помнит предков наших,
Крестьян и казаков,
В урочище принявших
Челябы юной зов.

Подвижников-полковников
Пусть память возродят
Челябинцы — поклонники
Трудов их и наград.
Им города истоки
И судеб наших нить
Здесь в крепости далёкой
Пришлось соединить.

Величием Челябины
Их труд оправдан весь,
Роль и её масштабы
Всем делают нам честь.

Опору всей державы
Являл собой Урал,
России в мире славу
Всегда он укреплял.

Народ многоязычный

Жил в дружбе сотни лет,
Делил в судьбе обычной
Груз радостей и бед.

Огромный город в дымке
Разбросан на холмах,
Средь зданий улиц жилки
Теряются в лесах.

А на зелёном фоне
Строений серый цвет,
Труб заводских и домен
Всем виден силуэт.

Красивых зданий много
Вдоль площади стоят.
У памятника строгий
Трибун гранитный ряд.

Видны за ними ели
Редчайшей красоты,
Зовут гостей аллеи
И яркие цветы.

Вот мрамор белоснежный
Бассейна красит вид,
Узор чернеет нежный,
Под ним блестит гранит.

Вода прохладой манит,
Смех всюду, детский визг,
Фонтана струи тают
В мельчайшей массе брызг.

Каждый, кому хочется
Под ними постоять,
Вдосталь нахохочется

И нарежется всласть.

Радуг дивных полосы
Заметить может взгляд,
Завитушки волоса
У девушек блестят.

Сквер всех людей прохладой
Спасает в жаркий день.
Кусты, деревья рады
Отдать свою им тень.

Здесь можно трогать листья
И просто погулять.
У елей серебристых
На травке постоять.

А на холме белеет
Стен мраморных овал,
В театре сказкой веет,
Фойе — дворцовый зал.

Блестят окон просветы
Десятками полос,
Горсад за зданьем светлым
Шумит листвой берёз.

В нём пушкинские сказки
В тени листвы живут,
Их дети без подсказок
С восторгом узнают.

На мраморе изящное
Литьё людей влечёт,
Красою настоящей
В мир сцены всех зовёт.

От входа виден город,

Им занят весь простор,
Он большей частью молод,
Куда ни бросишь взор.

Ряды гранитных лестниц
Уходят плавно вниз.
Последний летний месяц
Теплом наполнил высь.

Нарядных пешеходов
Бульвар всегда влечёт,
Всех, кто сюда приходит,
Знакомство с прошлым ждёт.

Различные фигуры
Вернули связь времён,
Тут дух былой культуры
Умело возрождён.

Вот кокетка-модница
У зеркала стоит,
Уйти она готовится,
И видно, что спешит.

А трубочист, на крыше
Присевший отдохнуть,
Слова прохожих слышит,
На всех спешит взглянуть.

Толпы разноцветные
Встречают фонари,
Будут ночи светлыми
Под ними до зари.

Уголки привычные
С трудом можно узнать.
Вид дома кирпичные
В них стали изменять.

Узор из плиток мелких
Украсил тротуар.
Снуют по парку белки
Среди влюблённых пар.

Возник в нём между сосен
Волшебный, дивный мир,
Здесь золотая осень
Для всех готовит пир.
Приветливо встречает
Пришедших Гулливер,
Детишкам отворяют
Аттракционы дверь.

Огромный вуз в сторонке
Давно уже ввысь рос,
Шпиль золоченый тонкий
Герб красочный вознёс.

Лишь ветерок разбудит
Деревьев листопад,
Мы день рожденья будем
Челябинска встречать.

Что ж, время дни уносит,
И улиц тихих гладь
Скоро станет осень
Листовою осыпать.

Людей ушедших тоже
Скроет время след.
Оно всегда итожит
Счёт радостей и бед.

И я на гребне бега
В свою судьбу несусь,
А осень с первым снегом

Во мне умножит грусть.

Разбередит досаду
Несбывшейся мечты,
Я не из тех, кто рады
Сжигать в пути мосты.

Зовущая дорога,
Попутчица потерь,
Ведёт меня к итогу
Всего пути теперь.

Немного сохранилось
Построек старины —
Челяба так стремилась
Опорой стать страны.

И горожане знают:
Бег времени жесток.
Но вновь кресты сияют
И смотрят на восток.

Иные в нём погосты
И на других местах,
Мы в этой жизни просто,
Как все до нас, в гостях.

Отсюда её сила
Так мощно манит нас.
Россия всех просила
Раскрыть себя хоть раз.

От глубины сознания,
От родников души,
Лепту в созидание
И мы внести пришли.

Великие свершения

Способны окрылить.
Когда страна в падении,
Народу трудно жить.

Что станет впредь с Челябиной,
С надеждами людей?
В стране большой, но слабой
Счастливым быть трудней.

Ко мне раздумья ночью
О Родине придут,
О, если б мог помочь я
Ей выбрать верный путь.

Пока никто не знает
Народ как защитить.
О лучшем все мечтают,
Жизнь в новый век спешит.

Людей пусть светлых память
Нас греет в трудный час,
Нельзя ей больше таять —
Забудут и о нас.

Время пока смутное.
Но вера и любовь
Планы злые спугают,
Страна воспрянет вновь!

Сил дай, Богородица,
Заступница Руси.
Всем вели опомниться,
И в этот раз спаси.

*Челябинск
1997 – 2003 гг.*

Из цикла стихов «Раздумье»

Челябинские аллеи

Люблю тенистые аллеи
И тихих улочек уют,
На них всегда я сожалею
О том, что годы так бегут.

Челябинск, ты моя опора
В час грустных мыслей и невзгод,
Начнётся осень очень скоро
И будет ждать зимы приход.

И вроде нет щемящей боли,
Да и осознанной беды,
Но кажется, один я в поле,
Давно засохшем без воды.

На тротуарах уже листья
Сметает ветер иногда,
Он тщетно ищет свою пристань,
Но от нее нет и следа.

Вот так и мы во время мчимся,
Теряя в спешке нужный путь,
И на кого-то тайно злимся,
Не в силах прошлое вернуть.

Когда встречаются нас аллеи
И тихих улочек уют,
Мы часто о годах жалеем,
Забыв о ценности минут.

Северные амуры

*Посвящается светлой памяти башкирских и татарских воинов,
участовавших в Лейпцигской «битве народов» 1813 года. В те дни
французские солдаты называли их «северными амурами».*

Башкиры воевали
С пиками в руках
И часто вызывали
У французов страх.

Являлись, как стихия,
Конные полки.
Служили в них лихие
Лучники-стрелки.

Татары, сдвинув брови,
Делали прицел,
И, бросив взгляд суровый,
Слали тучи стрел.

Врывались с криком адским
В цепь отборных войск,
Давили строй солдатский,
Словно мягкий воск.

В походах заграничных
России рос престиж,
Ввёл Александр лично
Армию в Париж.

Позже днями хмурыми
Историком тех лет
«Северных амуров»
Образ был воспет.

Уральские музы

В красивой беседке, я верю,
Уральские музы живут.
Средь сосен в гранитном карьере
Замер причудливый пруд.

Как золотые монеты,
Листья лежат подо льдом.
Березы грустят о летнем
Зелёном наряде своём.

На эстрадной площадке в парке
Звуки танго сменяют вальс.
Мелькают одежды яркие
И взоры задумчивых глаз.

На скамейках поют негромко,
Подавая другим пример,
К даме, сидящей в сторонке,
Подошёл седой кавалер.

Забывается в танце время,
Луч надежды ещё живет.
Исчезают возраста бремя
И горечь житейских забот.

Все свободнее движутся ноги,
Велика мелодии власть.
Женских пар на площадке много,
А мужчин легко посчитать.

Звучит музыка в сонном парке,
Привлекая многих людей.
Каждый танец для них подарок
Милых сердцу далёких дней.

В красивой беседке, я верю,
Уральские музы живут.
Средь сосен в гранитном карьере
Спит осенний замёрзший пруд.

Раздумье

Золотые русские червонцы
Россыпью лежали на столе,
В них играло ласковое солнце,
Отблески горели на стене.

Звенело лето, за окном жара
Немилосердная стояла,
Смотрел с монет печальный лик царя,
Гербы державные блистали.

История вела в тиши рассказ,
Дышали золото и вечность,
Но в жизни всё бывает без прикрас,
В ней святость есть, но есть и нечисть.

И потому надежды мирно жить
В империи не оправдались,
А мы пытаемся границы сохранить,
Которые сегодня нам достались.

Удастся ли Россию возродить
И жизнь народа обустроить?
Об этом будем Бога мы просить
И о грядущем станем спорить.

Жёлтые старинные червонцы
Россыпью лежали на столе,
Заходило огненное солнце,
Оставляя пламя на стене.

В музее ЧТЗ

Молчали в полумраке залы,
Витал народный подвиг в них,
Мне стенды скупко рассказали
О том, как ЧТЗ возник.

Сначала было только поле,
И вдоль березок след подвод,
Но словно по волшебной воле
Гигантский стал расти завод.

Я слышал в зале речи, крики,
Удары молотов и звон,
Мерещились повсюду лики,
Влекла торжественность знамен.

Невероятные лишения
Преодолели люди здесь,
Великого предназначенья
Достоин был порыв сердец.

Хотелось низко поклониться,
Встать на колени и шептать:
«За всех вас нужно нам молиться,
Благодарить и почитать».
Молчали в полумраке залы,
В них подвигов остался след,
Россия, вновь пора настала
Откликнуться на зов побед.

Я пойду с утра на Монахи

Я пойду с утра на Монахи,
Чтобы вновь воспрянуть душой,
Там цветы и вольные птахи

Умываются божьей росой.

По холмам гуляя зеленым,
Я увижу речную гладь,
Высокие сосны на склонах
И утреннюю благодать.

Потом поднимусь на ту гору,
Где часто подолгу мечтал,
С высоты откроются взору
Дивный вид и синяя даль.

Те места волшебною силой
Обладают и всех зовут,
А люди, как с Родиной милой,
С ними встречу в разлуке ждут.

Я пойду с утра на Монахи
Любоваться их красотой,
Там цветы и ранние птахи
Умываются божьей росой.

2004 - 2008 гг.

